

ВЯЧ. ИВАНОВ. «БЕРЛИНСКИЕ ПИСЬМА»

Вступительная статья, подготовка текстов
и примечания Ю. В. Зобнина

Ю. В. Зобнин

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ
И ГАЗЕТА «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

I

Духовный лидер младшего поколения русских символистов, хозяин знаменитой «Башни» на Таврической улице, автор оригинальной философской лирики и трактатов о религии эллинского бога Диониса, теоретик искусства и «жизнетворец»-мистагог — таким предстает *Вячеслав Иванович Иванов* (1866–1949) в истории российского Серебряного века. Между тем, печатный дебют будущего «Вячеслава Великолепного» (Н. А. Бердяев) был связан не с художественным творчеством, а с журналистской публицистикой. «В мое студенчество в Берлине, — писал в 1903 году Иванов одной из своих постоянных корреспонденток, — я одно время сотрудничал в корреспондентском бюро Веселитского (“Аргус”), обрабатывая данный материал по иностранной политике и сочиняя фельетоны о берлинской жизни под его именем (для “Моск<овских> вед<омостей>”») [51, с. 181].

О возможности учебы за границей Иванов, по-видимому, задумался весной 1885 года, благополучно сдав вместе со своим закадычным другом *Алексеем Михайловичем Дмитревским* (1865–1934)* экзамены за первый курс исторического отделения историко-филологического факультета Московского университета и перейдя на второй курс. Сразу после сессии, в мае, Дмитревский

с матерью и сестрой Дарьей уехали на дачу, куда Иванов несколько раз приезжал гостить. В одну из этих поездок между ним и Дарьей Михайловной Дмитриевской (1864–1933) произошло объяснение в любви. Рассказ об этом Иванова в изложении его первого биографа Ольги Шор** изобилует как романтическими красками, так и любопытными биографическими деталями, сопровождающими этот важный эпизод в жизни девятнадцатилетнего студента, переживающего первый любовный роман:

Розово-лиловые зазывные дали, пряный аромат деревьев и цветов. Вячеслав и Дарья гуляли по аллеям заросшего сада и объяснялись в любви Бетховену, Пушкину, Шуберту и друг другу. Гермесом их романа был Алексей.

Мать Вячеслава всему этому не сочувствовала: «Она тебе не пара; ничего в ней нет особенного; да и пение ее (Д. М. Дмитриевская посещала Московскую консерваторию. — Ю. З.) не настоящее, так себе, барышня поет». Но правила в ту пору в «порядочных семьях» были строгие: «Ты компрометируешь девушку, ты должен жениться», — решила Александра Дмитриевна. Был ли он влюблен? Ну, разумеется; но в нее, пожалуй, не больше, чем в ее брата, в Шуберта и в возрождающиеся, дышащие деревья. Жениться? — это ему казалось стыдным; образ женатого студента был ему ненавистен, шокировал его своею неэстетичностью. Да и связывать себя так рано на всю жизнь вовсе не хотелось.

А мать Дарьи вторила его матери. Была она женщиной странной, безумной и ясновидящей. Она настойчиво твердила: «Знаю, Дашенька Вам не пара; Ваш брак кончится драмой, но все равно, берите ее; так надо». Хоть Вячеславу непонятно было — почему, в сущности, «так надо», но ее уверенность как-то убеждала.

И главное: они с Дарьей сговорились вместе уехать учиться за границу; ехать вместе было весело; он жаждал уехать... [78, с. 10–11]

Охватившая Иванова к завершению им первого курса Московского университета «жажда странствий» была вполне в духе

времени для поколения российской университетской молодежи, представителем которого являлся будущий поэт. С одной стороны, это была реакция на крах либеральных реформ минувшего царствования Александра II и торжество «охранительной политики» при его преемнике Александре III. Как писал сам Иванов: «На родине мне не сиделось: было душно и жутко. Дальнейшее политическое бездействие — в случае, если бы я остался в России, — представлялось мне нравственной невозможностью. Я должен был броситься в революционную деятельность; но ей я уже не верил» [14].

С другой стороны, заграничная стажировка к 1880-м годам стала одной из обязательных составляющих в ученой карьере российской студенческой элиты, имеющей виды на занятие в будущем столичной университетской кафедры.*** Не была исключением здесь и сфера исторических разысканий, гегемоном в которой выступала Германия, представленная, в первую очередь, блестящей плеядой историков Берлинского университета во главе с создателем современного антиковедения *Христианом Маттиасом Теодором Моммзеном* (Mommsen, 1817–1903). У Моммзена в 1875 году стажировался и научный руководитель Иванова *Павел Герасимович Виноградов* (1854–1925), которого направил в Берлин его учитель В. И. Герье. Поэтому известие о желании подающего надежды студента-историка «пойти к немцам за настоящей наукой»**** было встречено и Виноградовым, и Герье с полным пониманием и одобрением. Именно так действовали предшественники Иванова, уже получившие, несмотря на молодость, признание на Западе и кафедры в России, — В. И. Модестов, Д. М. Петрушевский, И. В. Помяловский, М. И. Ростовцев, И. В. Цветаев.

Замысел заграничного обучения, возникший у Иванова при столь оригинальных (и приятных) обстоятельствах, искал воплотиться **более года**. Легко предположить, что главную трудность тут представляли не столько научные предуготовления (хотя Иванов отнесся к этому достаточно основательно, запаса рекомендательными письмами и вместе с Виноградовым выработал

«программу последовательных занятий у Гизебрехта, Зома и Моммзена»****), сколько решение организационно-бытовых, прежде всего — материальных проблем, связанных с устройством влюбленной четы за границей. Семейный достаток самого Иванова был более чем скромным: «эпоха долгого и сурового труженичества»^{6*} началась для него еще в четвертом классе гимназии, когда он стал практиковать репетиторские занятия с отстающими гимназистами, чтобы помочь едва сводившей концы с концами матери-вдове. Какие-то средства «на обзаведение» могла дать в качестве «приданого» невесты *Анна Тимофеевна Дмитриевская*, которая, как уже говорилось, горячо сочувствовала планам Вячеслава и Дарьи и была, по словам последней, «общепризнанный хороший человек, живет всю жизнь для других — так как-то сложилась ее жизнь».^{7*} Однако пускаться в столь длительное и ответственное предприятие, не имея в виду никакого источника постоянного самостоятельного заработка, Иванов, с его опытом «сурового труженичества», вряд ли бы решился.

Между тем, среди всех этих тревог о будущем, зимой 1886 г. разыгралась странная история с первой — неудачной — попыткой Иванова дебютировать в качестве поэта на страницах «большой» периодики. 6 февраля 1886 г. он завершает поэму «Легенда» — оригинальную историческую стилизацию, навеянную собственными размышлениями об органической связи христианского мировоззрения с эстетическим миропереживанием.^{8*} «Легенду» Иванов читал своим знакомым; возможно, она ходила в списках в университетских кругах. Далее, по словам О. Шор, произошло следующее:

Эту поэму родители одного из учеников Вячеслава, похитив ее у автора, отнесли в «Русский Вестник», важный, издаваемый Катковым ежемесячник, где в год рождения Вячеслава появилось «Преступление и наказание» Достоевского, где впервые печатались потом лучшие творения русской словесности и философии: «Бесы» и «Братья Карамазовы» Достоевского, «Анна Каренина» Толстого,

стихи Фета, «Критика Отвлеченных Начал» Владимира Соловьева и т. д., и т. д. . . Редактор решил поместить произведение неизвестного юноши-поэта на страницах своего важного журнала (что делает честь его проницательности), и Вячеслав был, естественно, польщен и в восторге. Но во главе журнала стояли «правые»; русская революционная интеллигенция считала его орудием реакции и бойкотировала. Дмитревские возмутились, стали упрекать Вячеслава в чрезмерном честолюбии и недопустимом оппортунизме, настойчиво уговаривая его отказаться от участия в таком предосудительном органе. Вячеслав сконфузился, признал их правоту и отказался [78, с. 15].

Московские студенты, действительно, в подавляющем, либеральном и революционном большинстве своем, считали фигуру *Михаила Никифоровича Каткова* (1818–1887) одиозной, — правда, не столько за издаваемый им с 1856 г. «*Русский вестник*» (авторами которого, помимо уже упомянутых, были в разное время И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, С. Т. Аксаков, Н. С. Лесков, И. А. Гончаров, А. Н. Плещеев, Я. К. Грот и другие крупнейшие отечественные литераторы и публицисты как «правого», так и «левого» направлений^{9*}), сколько за его главное детище, газету «*Московские ведомости*». Этот печатный орган, основанный при Московском университете еще в 1756 г., стал во время редакторства Каткова (в 1851–1887 гг.) одним из самых авторитетных российских политических «официозов», занимавшим уникальное положение среди прочей проправительственной периодики. «Катков создал государственную печать в России и был руководителем газеты <“Московские ведомости”>, которая, стоя и держась совершенно независимо от правительства, говорила от лица русского правительства в его идеале, в его умопостигаемом представлении», — писал В. В. Розанов [63]. И для либералов, и для консерваторов Катков был потому равно неудобен. В 1880-е годы его опасался даже всесильный обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, считавший редактора «Московских ведомостей» слишком неуправляемым и непредсказуемым. Что же касается московских

студентов, то, по свидетельству В. А. Гиляровского, первый «студенческий бунт» в Москве (как раз во время поступления Иванова в университет) был вызван именно материалами катковской газеты, посвященными новому университетскому уставу. «Осенью 1884 года запыхали студенческие беспорядки, подогретые еще рядом статей в защиту правительства и обычными доносами “Московских ведомостей”. Под влиянием всего этого студенческие беспорядки в первый раз вырвались на улицу. На сходке студенты постановили устроить демонстрацию газете. К семи часам вечера студенты кучками неожиданно с разных сторон пришли на Страстной бульвар и устроили грандиозный кошачий концерт перед окнами квартиры редактора М. Н. Каткова с разбитием в них стекол. Явилась полиция и конный жандармский дивизион. Это был в Москве первый случай такого выступления конных жандармов. Жандармы с нагайками носились по бульвару и обоим проездам, разгоняя демонстрацию. Попадало всякому — и студенту, и нестуденту. <...> Позднее во время всяких студенческих беспорядков обязательно хоть пару стекол разбивали в “Московских ведомостях”, а в Татьянин день повторялись перед редакцией кошачьи концерты мирного характера» [12, с. 19–20].

Неудивительно поэтому, что Иванов, имевший среди товарищей репутацию «вольнодумца», предпочел, в конце концов, воздержаться от публикации. Но сам он в это время, как было сказано выше, уже не верил в плодотворность студенческой фронды, и поэтому для него лично общение с редакцией «Русского вестника» зимой-весной 1886 г. было и приятным («польщен и в восторге»), и, по всей вероятности, *взаимопользным*. В частности, *именно после истории с попыткой публикации «Легенды» планы заграничной поездки вдруг приобретают для Иванова определенность*: «по окончании второго курса», т. е. весной 1886 г. он объявляет на факультете о своем «решении учиться в Германии» и Герье находит это решение «разумным», профессор В. Г. Зубков пишет для Иванова рекомендательные письма «в Бонн к Бюхелеру и Узенеру», а Виноградов разрабатывает уже знакомому читателю «программу последовательных занятий» в Берлине.^{10*}

Связь между этими двумя событиями — контактом Иванова в феврале-марте с сотрудниками Каткова (а, возможно, и с ним самим?) и всплеском активности по устройению отъезда в Германию в апреле-мае, — **можно гипотетически установить**, если вспомнить, что в первой половине 1880-х постоянным берлинским корреспондентом катковских «Московских ведомостей» являлся *Гавриил Сергеевич Веселитский-Божидарович* (1838–1930) — **главный работодатель Иванова в первый период его берлинского студенчества**.^{11*}

Веселитский был потомком сербских князей Божидаровичей, переселившихся в Россию при Екатерине Великой. Ближайшие его предки находились на русской службе: дед воевал в кампанию 1812–1815 гг., а отец командовал авангардом главной армии в Крыму в 1855-м. Гавриил Сергеевич, появившийся на свет в 1838 г., также первоначально избрал военную карьеру: в 1858 г. он завершает Школу гвардейских прапорщиков и поступает в Лейб-Гвардии Царскосельский стрелковый батальон. Однако хитроумные способности Веселитского искали чего-то большего, нежели судьба прямого армейского служаки: в начале 1860-х он перемещается из царскосельских казарм в студенческие аудитории Гейдельбергского университета, где прилежно изучает философию и общественные науки. Вернувшись на родину в 1866-м, Веселитский поступает в Министерство иностранных дел — помощником барона Александра Генриховича Жомини, первого советника министерства и «правой руки» канцлера А. М. Горчакова. Сам Веселитский об этом периоде своей жизни пишет туманно: сначала-де составлял курс дипломатической истории России для наследника-цесаревича (будущего императора Александра III), а потом уехал на три года путешествовать по Ближнему Востоку. По странному стечению обстоятельств маршруты путешествия Г. С. Веселитского-Божидаровича большей частью проходили как раз по тем землям Оттоманской империи, на которых несколько лет спустя развернутся трагические события славянского восстания, завершившегося русско-турецкой войной 1877–1878 гг.

Крестьянское возмущение в Герцеговине 1875 г., положившее начало национально-освободительному движению балканских славян, застало Веселитского-Божидаровича в Париже, где он вместе с митрополитом Сербским Михаилом и епископом Дзяковарским Штроссмейером стал организатором «Международного Комитета пособия семействам и раненым Герцеговины и Боснии». За короткое время пожертвования в Комитет поступили из Франции, Англии, Швейцарии, однако, разумеется, все эти попытки помощи на Западе должны были, по мысли Веселитского, «скоро быть превзойдены развитием сочувствия к Герцеговинцам в России и энергическими проявлениями его» [57]. О своей миссии среди беженцев на турко-австрийской границе Веселитский, вернувшись в Петербург, рассказывал на лекциях в Славянском благотворительном комитете. Выступления Веселитского-Божидаровича в январе и марте 1876 г. стали одними из самых ранних — и очень действенных! — призывов к «защите братьев-славян». В эти месяцы для всего образованного российского общества «восточный вопрос» занял центральное место среди всех мировых событий, становясь день ото дня все более болезненным, будоражащим совесть. Что же касается самого Веселитского, то весной 1876 г. он вновь оказался на Балканах и уже отнюдь не в качестве путешественника или благотворителя. «На сходе вождей в Сумарине он был выбран их представителем, получает полномочия на переговоры с Великими державами и Портой. Веселитский заключает соглашение с турецким послом в Вене, дающие Боснии и Герцеговине фактически автономию. <...> 1876 июля-авг.<уста,> после начала сербско-черногорской войны с Турцией он вступает в черногорскую армию и состоит при Гл<авном> Штабе. Делает кампанию в Герцеговине и принимает живейшее участие в сражении при Бишине. Как помощник воеводы Божо делает кампанию в Албании и участвует в сражениях на Рогамских высотах и при Требаце. Едет в Ливадию со специальной миссией от Кн<язя Черногорского> Николая. Принят Александром II и Наследником...» [62, л. 5]. После этой аудиенции император собрал тут же, в Ливадии,

экстренное заседание кабинета министров. Сам он предпочел воздержаться от окончательных суждений, но не мешал наследнику-цесаревичу (будущему императору Александру III) ориентировать собравшихся самым недвусмысленным образом: вторжение России на Балканы неизбежно.^{12*} В 1877 г. Веселитский принял участие в наступлении Дунайской армии в Болгарии, однако вскоре тяжело заболел, вследствие чего «оставил военную службу и отдался публицистике».^{13*} С 1882 г. он становится постоянным корреспондентом газеты «Новое время» в Вене (псевдоним *Архус*) и, одновременно, корреспондентом «Московских ведомостей» в Берлине (псевдоним *Х.Х.*). С последним изданием, впрочем, он начал сотрудничать еще во время своего ближневосточного путешествия, публикуя здесь очерки «о славяно-балканских вопросах».^{14*}

«Берлинское направление» в 1880-е годы становится одним из важнейших в общественно-политической деятельности Каткова. Редактор «Московских ведомостей» являлся главным критиком «германофильской» политики, проводимой тогдашним министром иностранных дел Н. К. Гирсом, и ратовал за переориентацию России на стратегический союз с Францией. Это «франкофильство» вместе с Катковым разделяли такие влиятельные фигуры царствования Александра III, как обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, министры Н. П. Игнатьев и Д. А. Толстой, начальник Генерального штаба Н. Н. Обручев, фельдмаршал И. В. Гурко, обвинявшие Германию и Австро-Венгрию в нарушении союзнических обязательств, связывавших их в то время с Россией. Страсти вокруг «Союза трех императоров»^{15*} особенно накалились в 1885–1886 гг. после политического провала России на Балканах, вызванного независимой политикой болгарского князя Александра Баттенберга, которого Петербург считал своим ставленником.^{16*} В «болгарском кризисе» Катков и упомянутая выше придворная «партия» видели тайную интригу канцлера Германии князя *Отто Эдуарда Леопольда фон Бисмарка-Шенхаузена* (Bismarck-Schönhausen, 1815–1898). «Зачем нам эти союзы, эти концерты? — писал Катков. — Были между Россией и Германией

печальные недоразумения, порожденные именно неправильными отношениями, в каких обе державы прежде находились. <...> Взяв нас в руки, Германия снова очутилась всерешающей державой. Князь Бисмарк посредством концерта успел уладить одно за другим интересовавшие его дела, а нас, между тем, благополучно вытеснили с Балканского полуострова. Заручившись Россией, он легко мог пугнуть всякого, кто вздумал бы противиться его политике; с другой стороны, Россию можно было легко пугать то столкновением с Англией, то европейской коалицией, в случае если бы русская политика позволила себе действовать вне концерта, то есть не по берлинской команде <...> Возможно ли России оставаться в таком положении?» [32]

При подобных обстоятельствах опытный дипломат, обладавший обширными связями в европейских кабинетах, и талантливый журналист-аналитик Г. С. Веселитский-Божидарович идеально подходил на роль собственного корреспондента «Московских ведомостей» в Берлине, не только информируя влиятельных российских читателей катковской газеты о текущих событиях (преимущественно политических), но и весьма искусно расставляя акценты в соответствии с общей линией «франкофилов». Но, работая в 1886 г. на два издания одновременно в двух столицах государств, непосредственно вовлеченных в «балканскую интригу», накаляющуюся день ото дня (дело шло к государственному перевороту в Болгарии, который и произошел буквально в канун отъезда Иванова из Москвы в Берлин^{17*}), Веселитский нуждался в помощниках, способных в его отсутствие оперативно «литературно обработать» присланный экстренной почтой информационный экстракт. С другой стороны, перспектива сотрудничества с «консервативами» в 1886 г. уже нисколько не смущала Иванова: если в Москве он, по инерции, еще вынужден был считаться с общественными настроениями студенчества (да и то под нажимом Дмитревского), то «едва он очутился за рубежом <...> его революционные и безбожнические “убеждения”, еще на родине истлевшие, но им внешне поддерживаемые, сами собой упали с его души...» [78, с. 14]. Работа

у такого «принципала»,^{18*} каким был Веселитский, давала возможность быстрой адаптации в совершенно новой для молодой четы среде и, разумеется, возможность постоянного заработка. Таким образом, в плане *гипотетическом* возможно предположить, что Иванов, спешно собираясь в Германию весной 1886 г., **уже знал, что без работы в Берлине он не останется**,^{19*} а в плане документально подтверждаемом — констатировать, что **таковая работа как раз и началась практически сразу же с началом учебы за границей**. «Германия встретила нас еще на море доносившимся с берега благоуханием цветущих лип, — пишет Иванов в «Автобиографическом письме». — Вскоре я увидел и прирейнские замки, и готические соборы, и Сикстинскую Мадонну, и трирскую Porta Nigra. Потом мы поселились в берлинской мансарде. Первый семестр (с осени 1886 г.) ушел на изучение языка. В конце второго я представил Моммзену исследование о податном устройстве римского Египта и был им ласково одобрен. <...> *Рядом с научными занятиями шли у меня занятия для заработка: сначала — литературная обработка доставляемого мне материала для одного корреспондентского бюро, потом — частное секретарство у агента нашего министерства финансов, камергера Куманина, ныне покойного доброго друга моей юности (курсив мой. — Ю. З.)* [14, с. 17–18].

О «научных занятиях» Иванова в 1886–1891 гг. можно достаточно подробно узнать как из обстоятельного фрагмента «Автобиографического письма» (дополняемого более ранним некрологическим очерком «О Моммзене» 1904 года), так и из ряда содержательных работ современных историков-ивановедов.^{20*} Однако об его «занятиях для заработка» до сего момента какая-либо дополнительная информация, за исключением приведенного выше отрывка из письма Иванова к А. В. Гольштейн,^{21*} отсутствовала. Судя же по текстам статей, которые Г. С. Веселитский-Божидарович продолжал присылать в Москву под своей обычной подписью *Х.Х. вплоть до февраля 1887 г.*, работа его нового молодого сотрудника первоначально сводилась к обычной редакторской правке.

Веселитский был мастером *политической публицистики*. Владея искусством политической интриги, он, тщательно отработывая малейшие новости в придворной, дипломатической, военной, экономической, религиозной сферах, мало интересовался культурной и, тем более, повседневно-бытовой стороной жизни тех стран, где ему приходилось работать. Заголовки его корреспонденций говорят сами за себя:

Из Берлина. 11 января. Германская политика в настоящем кризисе — Можно ли верить миролюбию Германии? — Мировое значение русско-германских отношений — Благоприятный момент для мирных решений исторических задач.

(*Московские ведомости*. 1886. 16 янв. (№ 16))

Вена, 12 (24) марта. Проход католических миссионеров на Восток — План переноса папского престола в Иерусалим — Соглашение папы с Бисмарком насчет Востока — Напор католичества на православие в Австро-Венгрии — Конфликт епископа горнекарловицкого с хорватским правительством.

(*Новое время*. 1886. 18 (30) марта (№ 3610)).

Из Берлина. 17 (5) июля. Стремление Берлина к финансовому господству над Восточной Европой — Союз политики и биржи — Блейхрэддер — Великая русская конверсия — Разоблачения германцем деяний берлинских биржевиков относительно России — Новые замыслы против русских фондов и приготовления к *boussé* — Ожидание краха

(*Московские ведомости*. 1886. 11 июля (№ 189))

Публицистический стиль Веселитского стремится к предельной информационно-аналитической насыщенности текста. Язык его статей органически чужд изобразительной описательности, избегает художественных красот и тяготеет к точной, продуманной, актуальной «фактографии», подтвержденной многочисленными ссылками на газетные «официозы», «говорящими» цитатами, документальными свидетельствами, статистическими данными и т. п.

Нельзя найти более резкого противоречия, как в отношении австрийцев к Франции и в отношении к ней германцев. Начиная с выступления Франции в греческом вопросе, настроение здешнего общества, правящей среды и двора было совершенно противоположно господствующему в Германии [48].

Вот мнение Бисмарка о славянах вообще. «У славян вообще много неприятного, от них отзывает всегда чем-то варварским, не люблю я ни их сапоги с запахом, ни их вздыхание по луне, да и вряд ли они исправят свет. Но это раса растущая, с которой без нужды не следует ссориться, да и умная раса, к тому же. Есть место для них и для нас на земле» [49].

Опираясь на воинственные речи германского премьера и на распространяемые его офицерами сенсационные известия, биржевая спекуляция усиленно трудится над понижением обращающихся на бирже ценностей. Потери, понесенные только французскими ценными бумагами после речей князя Бисмарка в Рейхстаге исчисляются газетой *Gaulois* в 1 800 000 000 франков. Если прибавить к этому потери, нанесенные ценностям других государств, то окажется, что политика германского канцлера и задор его офицеров причинили Европе потери в ценностях, превышающий размер контрибуции, уплаченной Францией после войны семидесятого года [35].

Лишь некоторые фрагменты в статьях Х.Х. осени-зимы 1886/87 гг. намекают на появление у него помощника для «литературной обработки» материалов — как, например, «лирическое отступление», открывающее предпоследнюю берлинскую корреспонденцию за 1886 г.:

Зима, какой не припомнят здесь. Груды снега тянутся в роде шпалер вдоль тротуаров. Хороший санный путь и сани с бубенчиками. В городе, впрочем, еще ничего, но за городом! четырехдневная вьюга так замела все дороги, что сообщения почти прекратились.

В замках и в лачугах вид не бывалого никогда в таком размере снега заставил каждого запереться у себя, не видясь и с ближайшим соседом. Между некоторыми местностями первые дни ходила было почта на санях, а потом и ее прекратили. Два дня не отходило от Берлина ни одного поезда на юг или на запад; два другие дня поезда отправлялись отсюда, но останавливались ночевать на малых станциях или даже в поле. Сообщение с Веной совершенно прекратилось и мы все это время не читали венских газет, тогда как регулярно получали московские и петербургские [75].

II

В начале 1887 г. обстановка в Европе вокруг «болгарского кризиса» — главной темы корреспонденций Веселитского — накалилась до предела. После отречения от софийского престола князя Александра Баттенберга власть в Болгарии перешла в руки регентов, самым влиятельным из которых был лидер Великого Народного собрания Стефан Стамбулов (Стамболов), утверждавший, что зависимость от России в сто раз страшнее для Болгарии, чем была зависимость от «призрачной Турции». ^{22*} Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Стамбулов считал «корыстолюбивым стремлением России к поглощению Болгарии и завоеванию прямого болгарского наследства — Константинополя» [40] и видел единственный шанс для болгар обрести подлинную независимость в немедленном установлении прочного союза с Австро-Венгерской империей. С этой целью в декабре 1886 г. в Вену была направлена делегация Народного собрания, которая обратилась напрямую к принцу Фердинанду Максимилиану Карлу Марии Саксен-Кобургскому (von Sachsen-Coburg-Gotha, 1861–1948) с предложением занять освободившийся болгарский престол. ^{23*} Вести из Вены заставили официальный Петербург 5 (17) декабря выступить с резким заявлением, в котором указывалось, что депутация Стамбулова «не имеет право предлагать болгарскую корону и сомнительно, что кто-нибудь решился принять ее в подобных условиях». ^{24*} Однако,

к неудовольствию петербургского кабинета, ни сам Фердинанд, ни стоящий за ним император Франц-Иосиф не спешили дезавуировать болгарскую инициативу. «Посланцы балканских разбойников засиделись в столице Австрии, — писал Катков, уже не заботясь о соблюдении дипломатических приличий, — вместо трех, они провели там более десяти дней, доставив венским газетам богатый материал не только для глубокомысленных политических статей, но и для занимательных описаний как наружности и образа мыслей, так и текущих ежечасных занятий этих господ, ставших знаменитостями» [31]. И «Московские ведомости», и другие российские и европейские «официозы» наперебой обсуждали в эти дни и недели возможность русской оккупации Болгарии. Война между Россией и Австро-Венгрией также казалась их политическим обозревателям вполне возможной в самой близкой исторической перспективе.

Война назревала и на другом конце Европы. Талантливый дивизионный генерал *Жорж Эрнест Жан Мари Буланже* (Boulangier, 1837–1891), возглавивший в 1886 г. военное министерство Франции, оказался, говоря языком современных политологов, «харизматичным лидером» самых широких кругов французской общественности, мечтавших о «национальном реванше» за поражение во франко-прусской войне 1870–1871 гг. и возвращение утраченных территорий Эльзаса и Лотарингии. Успешное перевооружение армии, изменения в ее организационной структуре и дислокации, происшедшие под руководством Буланже в кратчайшие сроки, равно как и патриотические заявления пылкого генерала сделали к началу 1887 г. во мнении подавляющего большинства военного руководства Германии нанесение превентивного удара по непокорной Франции ближайшей насущной необходимостью. «Настроение офицеров самое шовинистическое, — писал в феврале из Берлина в Москву Веселитский-Божидарович. — Многие уверяют, что на днях может быть отдан приказ о выступлении. У всех в устах слова Мольтке,^{25*} что в 1871 г. сделана была большая ошибка уступкой <французам укреплений> Бельфора; тогда его не хотели

слушать, будь теперь Бельфор в руках Германии — и врата Франции были бы ей всегда открыты. Я слышал, как высшие военные говорили, что германская армия должна “занять” эту крепость и на этом остановиться. Французы не посмеют наступать и “мир будет сохранен!”» [76]. О том, что на стороне Франции может выступить Россия, раздраженная поведением Вены и Берлина на Балканах, вслух еще не говорилось, но это понимали все.

Можно лишь догадываться, что переживал Иванов, ожидавший как раз прибавления семейства, «литературно редактируя» подобные корреспонденции. Именно тогда состоялась та знаменательная беседа с Теодором Моммзеном, о которой упоминается в «Автобиографическом письме»:

Он позвал участников семинария ужинать в свою «тесненькую» виллу и там спросил меня, остаюсь ли я на более долгое время в Берлине; я сказал, что желал бы, но боюсь, что вспыхнет война; «мы не так злы (wir sind nicht so böse)», был ответ [14, с. 16].

И действительно, инициатором мирного преодоления общеевропейского кризиса в этот раз стала Германия. Уже 11 января 1887 г. (н. ст.) Бисмарк выступил на заседании Рейхстага с большой речью, в которой заявил, что «все аргументы относительно возможной борьбы <Германии> против коалиции Франции и России не у места»: «С Россией мы не можем иметь столкновений, если мы не потянемся в Болгарию. <...> Дружба России для нас важнее, нежели расположение Болгарии <...> но интересы каждого из наших друзей и столкновение их интересов делают положение наше трудней, нежели можно бы думать. Мы должны выступать тут в роли защитника мира и подавлять публицистические и парламентские возбуждения, направленные во вред миру. Правда, нам грозит опасность, приняв роль адвоката мира, прослыть в Австрии и, особенно, в Венгрии за *русифилов*, а в России за *австрофилов*... Но этим можно и пренебречь, если только нам удастся сохранить мир Европы» [60].^{26*}

Бисмарк не блефовал: накануне он имел встречу с российским дипломатом и государственным деятелем, графом *Петром Андреевичем Шуваловым* (1827–1889), братом русского посла в Берлине *Павла Андреевича Шувалова* (1830–1908). Являясь формально частным лицом, прибывшим в Берлин «по семейным делам», П. А. Шувалов имел негласное поручение императора Александра III провести с германским канцлером тайные переговоры о новом мирном договоре между двумя империями. Бисмарк выказал полную заинтересованность в миссии Шувалова, составив за день до своей парламентской речи, во время дружеского обеда с обоими братьями, черновой набросок возможного двустороннего германо-русского соглашения. Так началась работа по созданию знаменитого «*договора перестраховки*», дающего гарантии мира между Россией и Австрией в обмен на гарантии мира между Германией и Францией.^{27*}

Переговоры Шувалова с Бисмарком вызвали панику в Петербурге среди придворных «франкофилов». Под их усиленным влиянием Александр III раскритиковал привезенный Петром Андреевичем проект договора, и дело, как водится, было «отложено в долгий ящик». Тем не менее, возможность нового русско-германского «концерта» испугала главного идеолога «франкофилов» Каткова настолько, что он решился на отчаянный шаг. 8 марта 1887 г. он опубликовал в «Московских ведомостях» передовую статью, в которой с исключительной резкостью обвинил российское Министерство иностранных дел в несамостоятельности внешней политики и потворстве пангерманским интересам. Более того, Катков пустился в пространные рассуждения о «Союзе трех императоров»,^{28*} срок которого истекал в текущем марте и, раскритиковав его в пух и прах, заключил: «Чем ближе к сроку, тем лихорадочнее заматалась политика, ищущая снова захватить нас в свои сети. В Берлине уже дисконтируют психологический момент, выдвигая призрак революции, якобы угрожающей России со стороны декабристов и панславистов, в надежде, что она поспешит искать убежища и успокоения под рукой германского канцлера. Чтоб не могло установиться добрых отношений между Россией и Францией,

делается все возможное для возбуждения недоразумений между ними» [37].

Реакция Александра III на демарш «Московских ведомостей» была прямо противоположна той, которую ожидали Катков и его «партия». В редакцию газеты было передано неофициальное царское предупреждение о недопустимости в передовых статьях «тона невыносимого презрения» и о том, что их автор «забывается и играет роль какого-то диктатора», а сам Катков вызван в Гатчину, где император сделал ему (хотя и в достаточно мягкой форме) персональный выговор. Переговоры с Берлином вскоре возобновились, и в мае Павел Шувалов передал Бисмарку русский проект договора, который после тщательных согласований был подписан русским послом и канцлером 6 (18) июня 1887 г. Это стало крупным поражением для «франкофилов», а лично для Каткова — огромным потрясением, от которого он так и не оправился. Вернувшись в Москву, Михаил Никифорович испытал первые приступы смертельной болезни и через несколько месяцев, 20 июля (1 августа) 1887 г., скончался.^{29*}

История с «договором перестраховки» на время развела с редакцией «Московских ведомостей» Г. С. Веселитского-Божидаровича. В отличие от Каткова, он активно поддерживал идею братьев Шуваловых, и, по-видимому, принимал непосредственное участие в переговорах и составлении текста соглашения.^{30*} Вряд ли это было изменой убеждениям — ведь речь шла о предотвращении всеобщей европейской военной катастрофы. Тем не менее, берлинский корреспондент Х.Х., опубликовав в № 44 «Московских ведомостей» статью о причинах падения русских бумаг на берлинской бирже, помеченную 8 (20) февраля 1887 г., исчезает из газеты.

С 13 (25) февраля по 5 (17) ноября 1887 г. корреспонденции из Берлина публикуются в «Московских ведомостях» анонимно.^{31*} И по стилю, и по содержанию это очень пестрые материалы, некоторые из них напоминают прежнюю политическую публицистику Х.Х-а, тогда как другие весьма далеко отходят от нее. Иногда статья просто распадается на несколько механически

соединенных частей, никак не связанных между собой композиционно и совершенно «разноголосых» по способу изложения. Так, например, корреспонденция, помеченная 3 (15) мая, начинается рассказом о влиянии на европейскую военную промышленность политических конфликтов Германии с Францией и Россией, продолжается сообщением о юбилее «славного собирателя и распространителя русской песни Д. А. Агренева-Славянского», а завершается пространным и игривым описанием дебюта в Берлине «юной московской пианистки, г-жи Мазуриной»:

Она играла на вечере у нашего посла, графа П. А. Шувалова, перед самым избранным обществом, восхищавшимся наружностью артистки не менее, чем ее искусством. Восторг одного юного дипломата вылился следующим мадригалом: взирая на розовый туалет М-elle Мазуриной, он воскликнул: «Это два черные глаза из розы!» [18]

Вывод из сказанного напрашивается: Веселитский, не желая двурушничать, дав согласие на сотрудничество с Шуваловыми, дезавуировал свое *личное* журналистское присутствие на страницах «франкофильского» издания. Однако, понимая трудное положение, в котором оказалась газета (и, особенно, на фоне трагедии с Катковым), бывший *X.X.* сохранил за собой функцию *организатора поставки новостей* из Берлина, привлекая для этой цели знакомых из русской диаспоры, не чуждых словесности, а иногда пересылая и собственные материалы также в качестве анонимного автора. Редакцию «Московских ведомостей» это вполне устраивало. С весны до осени 1887 г. ее постоянно лихорадило — сначала из-за царского предупреждения, а затем из-за болезни и смерти Каткова, — и прежний контроль за строгим соответствием публикуемых материалов какому-либо единому публицистическому «формату» был утрачен. **По всей вероятности, в это время Веселитский и загорелся идеей создания «корреспондентского бюро», основанного, по его собственным словам, как раз в 1887 г.**^{32*}

Какую роль в создании анонимных берлинских корреспонденций «Московских ведомостей» этого периода (всего их 22) играл «литературный сотрудник» Веселитского-Божидаровича Вячеслав Иванов — сказать трудно. По логике вещей, именно в этой ситуации он как раз и должен был перейти от редакторской работы к соавторству или к авторскому творчеству. Однако достаточных оснований для безусловной атрибуции каких-либо берлинских материалов 1887 г. «Московских ведомостей» нет, что, впрочем, не мешает выделить две статьи, безусловно, интересные в плане изучения творческой биографии раннего Иванова вне зависимости от степени причастности его к их созданию.

Первая из них рассказывает об истории возникновения русского студенческого землячества при Берлинском университете, т. е. о событии, которое вряд ли могло оставить Иванова, завершавшего тогда первый курс этого университета, безучастным, но, насколько известно автору этих строк, — никак не отраженном в современных биографических очерках. Упомянутая статья посвящена торжественным мероприятиям в русском посольстве, посвященным годовщине восшествия на престол императора Александра III. «Кроме торжественного молебна, на который явились все русские подданные, без различия веры и происхождения, — пишет анонимный автор, описывая события 2 (14) марта, — произошло вечером того же дня открытие “Русского землячества”»:

Это кружок русских из учащейся молодежи, желающей сохранить связь с Родиной и иметь в Берлине центр для обмена русских мыслей и питания русских чувств. Патриотический характер этого дела совершенно ясен из правильной постановки оного. Молодые люди, прежде всего, явились к нашему генеральному консулу просить его совета и указаний; потом выхлопотали себе разрешение местной власти; наконец постановили открыть «землячество» в день Восшествия на Престол Государя Императора. Открывал «землячество» покровитель предприятия, генеральный консул А. Н. Кудрявцев приветственной речью, в которой в немногих обдуманных и прочувственных словах замечательно ясно очертил

цель и задачи Землячества, окончив приглашением возгласить в честь празднуемого высокаторжественного дня русское «ура!» и пропеть всем вместе наш народный гимн. Это было сделано с единодушным энтузиазмом. После того русскими участниками здешней консерватории были исполнены некоторые русские песни. Собрание во всем держалось чрезвычайно чинно и прилично. Беседа допускалась только на русском языке и за этим следилось строго, но исключение сделал А. Н. Кудрявцев, говоривший по-турецки и по-татарски с двумя кавказскими мусульманами, студентами Берлинского университета и членами русского Землячества. Молодежь восторженно благодарила нашего генерального консула за оказанное им содействие и покровительство, сделавшее возможным открытие Землячества именно с таким характером, и просила его принять звание первого почетного члена, которое и было принято г. Кудрявцевым, принесшим вместе щедрый денежный дар на нужды Общества. При Землячестве будет русская библиотека [19].

Актуальность приведенного отрывка если не для издателей ивановского творчества, то, по крайней мере, для его биографов, дополнительных комментариев, думается, не требует.

Вторая статья, помеченная 25 сентября (7 октября) 1887 г. и представляющая собой род уже описанной выше пестрой информационной «смеси», содержит, среди прочего, фрагмент, посвященный современной германской историографии и нарастанию шовинистических (в частности — славяно- и русофобских) настроений в университетской среде. Иванов-студент, ученик Т. Моммзена и *Генриха фон Трейчке* (von Treitschke, 1834–1896), при всей своей симпатии к учителям, с трудом «вмещал» их постоянные выпады в сторону славянства, а проповедь этнического превосходства германцев над прочими европейскими племенами приводила его в замешательство: «С недоумением наблюдал я, что государственность может служить источником высочайшего пафоса даже для столь свободного и свободолюбивого человека, как Моммзен; но истинным талантам старого поколения я многое

прощал, как и самому Трейчке я прощал его крайний шовинизм за подлинный жар его благородного красноречия. Зато самодовольный и все же ненасыщенный национализм последнего чекана, который кишел и шипел вокруг клубами крупных и мелких змей, был мне отвратителен» [14, с. 18]. О новейшем «научном» прусском шовинизме юный Иванов, годом позже, будет писать в блестящей рецензии на книгу Трейчке «Два императора». ^{33*} Характерным «штрихом» в этом историческом сюжете является появление в Берлинском университете в период ивановского студенчества мрачной фигуры *Теодора Шимана* (Schiemann, 1847–1921), автора «Истории России, Польши и Ливонии до XVII столетия» [1], ставшего вскоре заведующим кафедрой восточноевропейской истории и одним из ведущих идеологов германской политической доктрины «Drang nach Osten». Первые публичные выступления Шимана, даровитого публициста и оратора, в середине 1880-х годов имели скандальный успех еще и потому, что он, как один из духовных лидеров «остзейских» немцев, пользовался покровительством германской императорской фамилии. Материал «Московских ведомостей» позволяет увидеть происходившее в аудиториях Берлинского университета действо глазами если не самого Иванова, то непосредственно близкого к нему представителя русской диаспоры Берлина:

Несколько времени тому назад один из моих германских знакомых, принадлежащий к ученому миру и в разговорах постоянно настаивающий на необходимости сообразовать политику с историей, пригласил меня присутствовать при пробной лекции нового доцента истории при здешнем университете «из русских».

Лекция оказалась действительно интересной и по предмету, и по личности историка.

Это был русский эмигрант Шилльман (транскрипционная ошибка. — Ю. З.), занимавший до 1883 года какую-то должность в Ревеле и известный своею «Историей России, Польши и Ливонии».

Он для своей лекции выбрал момент, когда падающий Орден стал

подвергаться нападению крепнущей России и, не будучи в состоянии отразить оные собственными силами, прибегал к помощи Германии. Историк не развил избранную тему до конца, а оборвал ее на отражении Ливонией сильного русского нашествия с помощью «германских братьев» (на деле это были наемники) в 1501 году. Перескакивая затем через четыре столетия, он заключал лекцию словами: «Борьба за Балтийское море еще не кончена! Ныне, как и тогда, Балты исполняют свой долг относительно германского отечества; пусть же и Deutsheim Reiche вспомнят о них» и пр.

Нельзя не пожалеть, что, представляя значительную кафедру для такого преподавания, германское ведомство народного просвещения дает как бы официальное одобрение взглядам и учению, так мало клонящемуся к упрочению мира и добрых отношений с соседними государствами. <...> Сегодня мне приходится говорить о внезапно охватившем германское общество «историческом веянии». Казалось было, направление германской политики совершенно ускользнуло из рук профессоров и ученых и перешло в руки чисто практических деятелей, соображающихся единственно с потребностями минуты. Вдруг эти деятели как бы вспомнили о слышанном ими с университетской скамьи и заговорили прежним учено-историческим тоном. Зная характер этих деятелей, позволительно думать, что они повинуются не одним воспоминаниям прошлого, а преследуют непосредственные политические цели в настоящем [20].^{34*}

III

«Договор перестраховки» был ратифицирован императорами Вильгельмом I и Александром III во время визита последнего в Берлин 6 (18) ноября 1887 г. К этому времени, 2 (14) августа, Фердинанд Кобургский уже присягнул на конституции в Тырново и опубликовал от имени «князя Болгарского» воззвание, завершавшееся словами: «Да здравствует свободная независимая Болгария!» Российское правительство заявило на это «категорический протест», а правительство Германии честно присоединилось

к этому протесту, подчеркнув с немецкой пунктуальностью, что «поездка принца Фердинанда Кобургского в Болгарию и принятие правления есть нарушение § III Берлинского трактата, согласно которому выбор князя считается состоявшимся только после утверждения его Портой и державами. <...> Если подтвердится верность вышеуказанных известий, то это доказывает тяжкое нарушение существующего трактата, которое германская политика одобрить не может» [38].

На том всё и успокоилось.

Остался нетронутым и французский Бельфор, а беспокойный генерал Буланже в июне 1887 г. лишился поста военного министра и переключился с внешней на внутреннюю политику, сколачивая оппозиционную новому кабинету «неороялистскую» политическую группировку. Это совершенно устраивало Бисмарка, и он даже распорядился относительно сочувственной поддержки обиженного воителя в германских «официозах», быстро сообразив, что «буланжисты», войдя в силу, могут устроить Третьей республике такое кровопускание, которое не под силу и померанским гренадерам.^{35*}

«Военная тревога» 1887 г. завершилась, и в Европе установилось относительное спокойствие. 25 января (6 февраля) 1888 г. Бисмарк произнес перед новым составом Рейхстага триумфальную речь, которую завершил историческими словами: «Мы, немцы, боимся только Бога, а больше никого на свете, и один только Страх Божий заставляет нас любить и лелеять мир. Но всякий, кто его нарушит, убедится, что воинственный патриотизм, который в 1813 году призвал к оружию все население уменьшенной в то время и истощенной Пруссии, сегодня сделался общим достоянием всей германской нации; тот, кто нападет на эту нацию, найдет ее в едином оружии и каждого воина с твердою верой в сердце: “С нами Бог!”» [61].

К ноябрю 1887 г. окончательно стабилизировалась и работа редакции «Московских ведомостей», которую после кончины Каткова возглавил *Сергей Александрович Петровский* (1846–1917?),

юрист, архивариус и университетский профессор, «очень друживший с супругами Витте и, кажется, больше интересовавшийся биржей, падением и повышением бумаг, чем газетой и политикой» [12, с. 19].^{36*} Декларируя на словах верность заветам Каткова, новый редактор был гораздо менее политизирован. Это не преминули заметить крайние петербургские «консервативы», так что уже в декабре 1887 г. Петровский был вынужден вступить в полемику с В. П. Мещерским, обвинившим его на страницах своей газеты «Гражданин» в оппортунизме: «Знаток, по-видимому, всяческих новостей, князь Мещерский по отношению к нам прикидывался глухим и, когда официальным порядком шло дело о передаче “Московских ведомостей” в наши руки, называл известие об этом “невероятным слухом”. Затем появились в “Гражданине” задорные статейки по поводу якобы измены нашей заветам покойного издателя “Московских ведомостей”, высказывались политические намеки на то, что мы чуть ли не подкуплены Бисмарком...» [33].^{37*}

Разумеется, что назвать «Московские ведомости» германфильским изданием мог во второй половине 1887 г. разве что такой (по собственному определению) «строгий патриот», как Мещерский, однако воинственно-патриотическая риторика, способная возбудить общественное мнение, из передовиц и корреспонденций на «острые» внешнеполитические темы при С. А. Петровском действительно исчезла. Это, кстати, соответствовало «Циркулярной ноте Русского правительства по поводу Берлинского свидания <монархов>», обнародованной сразу после ратификации «договора перестраховки» и специальным пунктом обращавшей внимание «на то, что во время свидания выяснилось, что все недоразумения <между Россией и Германией> суть следствия вызывающего тона печати обеих стран. Было принято решение повлиять умиротворяющим образом на официозную печать».^{38*}

Но еще более важным изменением на «германском направлении» «Московских ведомостей» при Петровском явилось расширение тематического репертуара корреспонденций, ранее на 90% представленного политической публицистикой. Между

тем, помимо хитроумного канцлера, воинственного Генерально-го штаба и алчной берлинской биржи, Германия располагала в 1887 году и 47 750 000 населения, которое каким-то образом жило, работало, общалось, молилось, воспитывало детей, буянило и развлекалось, устраивало свой быт, культуру и искусство. Все это оставалось для читателя «Московских ведомостей» *tabula rasa* и теперь, ввиду всеобщего мирного успокоения, ее можно было попытаться заполнить. **Эту задачу и призван был решить новый берлинский корреспондент, некто С-евъ, дебютировавший в газете 5 ноября 1887 г.**

И С-евъ оказался на высоте положения! В отличие от всегда сконцентрированного на задачах текущего политического момента Х.Х-а, кругозор нового корреспондента был огромен. Не забывая о политических новостях и неизбежной полемике с германскими «официозами», о колониальных войнах в Африке и распрях в Латинской Америке, о крупповских ружьях и расходах на имперский средиземноморский флот, — С-евъ, с равным увлечением и знанием дела, писал о новинках немецкой литературы и музыки, о берлинском градостроительстве и жизни местных сословно-профессиональных сообществ (ферейнов), о нравах депутатов Рейхстага и распрях в духовенстве, о студенческих дуэлях и интригах профессуры, о патриотах-доносчиках и космополитах-анархистах, о театральных премьерах и городских модницах, о благотворительных базарах и рабочих демонстрациях. Берлинская уличная *толпа* — то чинная и торжественная, то возбужденная или возмущенная — получила в публицистике С-ева такие же права, какими в публицистике Х.Х-а пользовались только избранные персоны, имеющие политический или общественный вес:

Вчера казалось, будто Берлин празднует какой-то блестящий праздник. Народ весело, даже восторженно настроенный, наполнил улицы, ведущие к Королевскому замку. Стоял яркий солнечный день. Самый звон церковных колоколов и спущенные флаги на зданиях, в знак траура по почившем императоре, как бы

утратили свое печальное значение и увеличивали праздничное впечатление картины. Блестящие отряды войск входили под высокие темные порталы замка и устанавливались на главном внутреннем дворе его, украшенном бронзовую группой Георгия Победоносца. Туда же тянулся нескончаемый ряд экипажей, торжественных и блестящих придворных карет вперемешку со скромными городскими дорожками, в которых съезжалась публика и депутаты [65].

Сегодня мне случилось быть свидетелем возложения скромного лаврового венка на один из памятников, находящийся в одном из берлинских предместий. Оно имеет свою бронзовую Германию с мечом в руке и орлами вокруг пьедестала, на котором написаны имена горожан этого квартала, павших в последних войнах. Венок возлагало общество товарищей, принадлежащих к фрейну ветеранов с содержанием одного из местных ресторанов во главе. Небольшая процессия двинулась из ресторана, предшествуемая оркестром трубачей и знаменем общества. Все участники были одеты в статское платье. Люди в черных сюртуках и черных цилиндрах шли рядами в ногу, под военную команду и с ружьями на плече. Описав длинный круг по соседним улицам, они выстроились перед памятником, исполнили гимн на мотив нашего «Коль славен...», прослушали горячую и длинную речь какого-то оратора, возложили на пьедестал венок, сделали ружьями на караул, прокричали троекратно hoch и удалились под звуки марша в свой ресторан, чтобы провести в нем остаток дня [68].

На днях разыгралась «под Липами» (Unter den Linden, одна из главных улиц Берлина. — Ю. З.) бурная уличная сцена необычайного характера. Ежедневная маршировка взвода почетной стражи с музыкой по этой улице обыкновенно привлекает довольно заметную толпу уличной черни, которая, с любовью к полковым порядкам, столь свойственной берлинцам, мирно отбивает «придворный шаг», идя рядами позади солдат. На этот раз толпы было больше, чем обыкновенно, и, вместо обычной маршировки, затеяла распрю. Часть ее заняла один узкий переулок и, бросившись на проходящую

мимо «под Липами» другую часть толпы, завязала ожесточенную драку. Полиция была бессильна, и сражение прекратилось только после вмешательства вооруженных солдат с гауптвахты [69].

Не менее широк был и стилистический диапазон нового берлинского корреспондента «Московских ведомостей». С легкостью он переходил от деловой, сухой и точной повествовательности, унаследованной от своего предшественника, —

Удаление королевы Натальи главным образом желательно <сербскому королю> Милану, дабы иметь возможность вести необузданную жизнь, в которой он падал все ниже и ниже: королева становилась ему все более тягостною свидетельницей, и он всячески старался отделаться от нее. <...> По некоторым сведениям, здоровье короля Милана так подорвано его жизнью и в особенности расстройство умственное делает такие успехи, что перспектива регентства заставляла спешить с мерами относительно королевы, [70] —

к риторическим периодам, превращающим сообщение о помолвке германской принцессы Софии с греческим принцем Константином в блестящий иронический памфлет:

Радостное событие было принято с большим одушевлением. Послышались восторженно-идеалистические выражения сочувствия этому браку. Германцы, в последнее время разучившиеся быть сентиментальными и предаваться отвлеченным философствованиям, на этот раз, ввиду торжественности случая, вспомнили старину. Не их вина, если эта сентиментальность и эти философствования вышли несколько неуклюжими и своим комическим характером столь мало соответствовали достоинству прославляемого события. Немцы выставляют значение этого события с туманным глубокомыслием, со школьною поэзией и патриотическим самодовольством. Обручение германской принцессы с греческим принцем, как оказывается, соответствует обручению германской культурной

стихии со стихией эллинскою. Оно-де подобно союзу Елены и Фауста, изображенному Гете. Вся разница теперешнего события от гетевской сцены в том, что ныне Германия представляет женский элемент в союзе, а Греция — мужской, тогда как у Гете наоборот. Фридрих III, столь желавший культурного единения германизма и эллинизма и побудивший предпринять раскопки в Олимпии, теперь видел бы реальное осуществление своих идеальных стремлений. Отныне «дочь Гогенцоллернов будет царить на берегах прекрасного Илиса», «дочь Гогенцоллернов сидеть на троне Тесея!». «Это звучит так мило и странно, как будто из “Сна в летнюю ночь”, и, однако, это стало счастливой действительностью». Затем выражается надежда, что Гогенцоллерны станут предками ряда греческих королей, которые внесут в увядающую Элладу плоды расцветшей на немецкой почве культуры, корни коей взяты из почвы той же Эллады [67].

Неосведомленный читатель «Московских ведомостей» мог заключить, что на берегах Шпрее, в лице *С-ева*, явился вдруг некий неведомый «синтетический гений» от отечественной журналистики. Между тем, загадочный летроним был лишь производным от отчества Г. С. Веселитского-Божидаровича («С<ерге>евъ») и служил *коллективным псевдонимом* сотрудников созданного осенью 1887 г. Веселитским в Берлине корреспондентского «ArcBureau».

То, что «ArcBureau» создавалось Веселитским именно *во второй половине 1887 г.*, имеет весьма существенным основанием исторический фон, уже известный читателю. С января по июнь Веселитский, как говорилось выше, «подготавливал договор, заключенный Шуваловым с Бисмарком» и вряд ли бы стал дополнительно обременять себя посторонней организационной работой. Зато летом, с успехом завершив сотрудничество с Шуваловыми (и наверняка приобретя в русском посольстве дополнительную поддержку за усердный и плодотворный труд), он имел все возможности для нового предприятия, благо вокруг него за время поставок анонимной новостной информации в «Московские ведомости» уже сложился, надо думать, достаточный пишущий «актив».

Информационные агентства и корреспондентские бюро начали возникать в Европе еще со второй половины 1830-х годов^{39*} и, по мере развития в крупнейших европейских державах демократических властных институтов, зависимых от общественного мнения, приобретали все больший вес в деятельности средств массовой информации. В частности, Бисмарк, получив портфель прусского министра-президента в момент глубокого парламентского кризиса 1862 г., был одним из первых германских лидеров, в полной мере оценивших роль «четвертой власти» в современном обществе и осуществлявших собственную информационную политику, через специально созданную сеть «официозов», получавших материалы из «бюро», входившего в структуру аппарата Рейхсканцелярии. «...Помимо непосредственного давления на избирателей, “бюро печати” доставляло возможность управлять общественным мнением страны. Несколько сот провинциальных органов получало из бюро готовые статьи и разносило их по всем уголкам Германии. Нередко случалось, что один и тот же текст появлялся, без указания источника, в один и тот же день на столбцах многочисленных листов различных местностей» [64].

Таким образом, если информационные агентства, обязанные своим происхождением гению Карла Гаусса и предприимчивости братьев Сименс,^{40*} торговали свежими новостями, поступающими по телеграфным сетям со всех точек планеты, то корреспондентские бюро *торговали идеологией*, обрабатывая это новостное информативное сырье сообразно с «направлением» официозных органов-работодателей. Как следует и из вышеприведенной цитаты, и из множества иных статей ХХ-а и С-ева, посвященных анализу работы «информационного оружия» Бисмарка, Веселитский был досконально знаком с деятельностью германского «бюро печати» и, очевидно, вознамерился создать нечто подобное для оперативного освещения в российских «официозах» «горячей» немецкой тематики. Возможно даже, что эта идея возникла у него с прямой подачи Павла Шувалова, ставшего во второй половине 1880-х гг. одной из центральных фигур в обновленной

политической «оси» Берлин — Петербург и остро нуждавшегося в согласованной информационной поддержке своих инициатив со стороны влиятельных в придворных и правительственных кругах периодических изданий. К таковым относились, помимо «Московских ведомостей», петербургские газеты «Новое время» А. С. Суворина и «Гражданин» В. П. Мещерского; именно эти издания и стали в 1888–1889 гг. главными потребителями журналистской продукции «ArcVureau» Веселитского-Божидаровича.^{41*}

Если Веселитский, оставаясь одним из авторов «ArcVureau»,^{42*} являлся его идейным и организационным руководителем, то его прежний секретарь Иванов выполнял в новосозданной организации, по собственным словам, обязанности художественного редактора, т. е. ведал «литературной обработкой доставляемых материалов».^{43*} Этим объясняется отсутствие в статьях *С-ева* стилистической и композиционной эклектики предшествующих анонимных берлинских корреспонденций «Московских ведомостей», в большинстве которых, как уже говорилось, разноплановые информационные блоки были соединены друг с другом «на живую нитку».^{44*} Но, помимо «обработки данного материала по иностранной политике», как явствует из уже цитированного в начале письма Иванова к А. В. Гольштейн, он выполнял в качестве сотрудника «ArcVureau» и собственно авторские функции, «**сочиняя фельетоны о берлинской жизни** <...> (для “Моск<овских> вед<омостей>”»)^{45*}

«Принципы работы информационных агентств во всем мире одинаковы. Каждый журналист агентства <...> специализируется на определенной теме и “ведет” тех или иных общественно значимых людей или, в случае с экономической информацией, те или иные рынки или предприятия. Значительную часть своего рабочего времени он тратит именно на то, чтобы выяснить, что же будет происходить в его “секторе ответственности” в ближайшее время. Каждый корреспондент готовит свой индивидуальный план работы, который позже входит в состав большого плана работы всего агентства» [56]. Разумеется, «бюро» Веселитского отличалось от

размаха современных медиа-структур приблизительно так же, как политическая архаика бисмарковских «концертов» 1880-х отличается от стратегии политико-экономических блоков эпохи глобализации; тем не менее, некие общие черты можно обнаружить и там, и здесь. В частности, из приведенного письма Иванова ясно, что *тематическая «специализация» в «ArcBureau» уже существовала*, и его, ивановским, «сектором ответственности» в «общем плане работы» были, прежде всего, «фельетоны о берлинской жизни», т. е. *бытописательные очерки и информация о событиях культурной жизни берлинцев, не связанных непосредственно с «иностранной политикой»*. Свидетельство это очень важно, ибо с его помощью можно, обращаясь ко всей совокупности текстов *С-ева* в «Московских ведомостях», попытаться определить *авторское* присутствие в них Вячеслава Иванова.

Первые из подобных «фельетонов» в корреспонденциях *С-ева*, сохранявших до того форму информационной тематической «смеси», появились *в июне 1888 г.* В отличие от предшествующих берлинских материалов «Московских ведомостей» они представляли собой «монотемные» статьи, принадлежащие, очевидно, перу одного автора, и были обращены к весьма драматическим событиям, связанным с трагическим финалом короткого царствования «императора ста дней» — *Фридриха III.*

Год 1888-й вошел в историю Германской империи как «год трех императоров». 8 марта (25 февраля) в возрасте 90 лет скончался император Вильгельм I Гогенцоллерн, с именем которого были связаны все великие победы Пруссии 1860-х — начала 1870-х гг. и объединение разрозненных немецких земель в мощную Германскую империю. «Прусская монархия, Германия, немецкая раса обязаны ему не менее, если не более, чем кому-либо из бывших великих германских императоров, — писал, откликаясь на эту кончину, «собственный берлинский корреспондент» «Московских ведомостей». — Царствование его уже сравнивают здесь с царствованием Карла Великого, и мы, иностранцы, не станем этому противоречить, не назовем это шовинизмом. Карл Великий много

сделал для Западной Европы вообще, очень много для Франции, Италии, Испании, Нидерландов. Вильгельм, которого по справедливости можно было бы наречь Счастливым, сделал всё для одной Германии. Пусть Германия, пусть все немцы (Alldeutsche) примут от нас, не-немцев, искреннюю дань удивления их вождю. Но пусть же они не требуют, чтобы мы видели в нем и *нашего* благодетеля. Он воздвигнул здание германского благоденствия и могущества на костях других народов, на их унижении и разорении. Созидатель для Германии, он был разрушителем для других стран» [66].

От нового императора Фридриха III ждали существенного изменения германской общественно-политической жизни, прежде всего, — за счет демилитаризации внешней политики и расширения политических свобод внутри страны. Основания для этого были. В отличие от своего отца Вильгельма I — человека по-своему мудрого и даже прозорливого, но ограниченного сугубо военным воспитанием и образованием, — Фридрих, одновременно с зачислением на традиционную для отпрыска дома Гогенцоллернов прусскую военную службу, изъявил желание поступить на юридический факультет Боннского университета.^{46*} Храбрый военачальник, ставший любимцем прусской армии в австрийскую и французскую кампании, он «интересовался наукой, литературой и искусством, любил окружать себя учеными и писателями, не спрашивая об их политическом направлении; Моммзен, Вирхов, Гельмгольц были постоянными посетителями его дворца, и Фридрих охотно беседовал с ними не только по вопросам науки, но и по делам чисто политическим, допуская в разговорах с ними полную свободу мнений и сам нередко высказываясь совершенно свободно и не стесняясь порицать самовластную политику Бисмарка; из политических деятелей он охотнее сближался со свободомыслящими <...> чем с членами правой. Вообще он считался по своим воззрениям умеренным свободомыслящим или национал-либералом левого фланга, сторонником парламентарного управления в английском духе» [74]. Ожидание перемен особенно усилилось в 1887 г., когда император-долгожитель (он был счастлив и

в этом), отпраздновав 90-летний юбилей, стал на глазах сдавать. Однако тогда же, не без активного содействия бисмарковских «официозов», распространилась весть о неизлечимой болезни кронпринца (рак горла), до предела осложнившая ситуацию с грядущим престолонаследием.^{47*}

За месяц до своего вступления на престол Фридрих перенес операцию по восстановлению дыхания, в результате которой практически лишился речи и был вынужден изъясняться посредством записок. Приехав в Берлин из итальянского Сан-Ремо, где он проходил курс лечения, новый император был настолько слаб, что не смог присутствовать на похоронах отца и лишь показался собравшимся в окне, замотав торчащий в горле катетер лентой ордена Pourle Mérite. Но Фридрих удивительно владел собой, и через некоторое время среди его многочисленных друзей и сторонников возникла уверенность, усиленно укрепляемая императрицей Викторией и преданным ей английским доктором Мекензи, что положение больного не столь критично и император вполне дееспособен. Однако уже через месяц «тяжкая болезнь Фридриха III остановила всякую политическую жизнь в Европе <...> Иначе и быть не могло: Германия слишком важный фактор в международной политике Европы, и с ее интересами слишком связаны интересы других государств, чтобы можно было приступить без нее к решению каких-либо международных вопросов» [41]. Развязка всей этой мучительной истории наступила в потсдамском замке Фридрихскрон 2 (14) июня 1888 г.: перед рассветом больной император впал в полубессознательное состояние и в 11 часов утра «тихо скончался», процарствовал всего 99 дней. Никакой «либерализации» Германии не получилось: наоборот, наследовавший отцу 28-летний Вильгельм II очень скоро обнаружил себя таким «ястребом», что сам Бисмарк (отправленный им в отставку) казался на фоне молодого императора воплощением миролюбия и политической умеренности.

Все три с небольшим месяца царствования Фридриха III «Arc-Viergeau» Веселитского работало с предельным напряжением сил.

Достаточно сказать, что на двенадцать недель марта-июня 1888 г. приходится 20 из 71-й корреспонденции *С-ева* за все его полуторагодовое существование. В это время особенно ярко ощущался «соборный» характер деятельности *С-ева*, ибо в разных материалах, подписанных данным псевдонимом, *одни и те же события подавались в совершенно разных ракурсах*. Смерть императора не стала исключением. В частности, на фоне прочих статей, преимущественно «политологических», посвященных последствиям «июньской катастрофы» в исторических судьбах Германии, Европы и России, две корреспонденции — **«Первые дни по кончине императора Фридриха III»** и **«Похороны императора Фридриха»** — резко выделяются стремлением автора представить свершившееся *событие как трагическое зрелище*. Другая черта этих текстов — особый *художественный лиризм* повествования, дающий возможность читателю почувствовать скорбную атмосферу этих двух дней, присущую траурному Потсдаму, сообщающий ему ощущение личного причастия к разворачивающемуся в Фридрихскроне и парке Сан-Суси мрачному и торжественному действу.

Ничего подобного *никогда* не встречалось ни в материалах Веселитского-Божидаровича (и в ипостаси *Х.Х-а*, и в ипостаси *Аргуса*), ни в анонимных берлинских корреспонденциях «Московских ведомостей» весны-лета 1887 г., ни в предшествующих июню 1888 г. публикациях *С-ева*. Между тем, Иванов, тесно общавшийся в это время и в университетских аудиториях, и приватно, как с Теодором Моммзеном, так и с его зятем Отто Гиршфельдом, наверняка был наслышан о добродетелях Фридриха III, считавшегося в семье Моммзенов другом и покровителем. Иванов вполне мог лично добраться до Сан-Суси, чтобы отдать дань памяти и уважения почившему монарху и, под впечатлением увиденного, добавить в слагающийся стараниями сотрудников «ArgVureau» творческий облик «корреспондента *С-ева*» новую, весьма яркую черту. Что же касается изобразительного дара будущего автора «Cor Ardens», то, как писал Н. С. Гумилев, «кто не знает стиля Вячеслава Иванова с его торжественными архаизмами, кругами

enjambements, подчеркнутыми аллитерациями и расстановкой слов, тщательно затмевающей общий смысл фразы. Роскошь тяжелая, одурманивающая, варварская, словно поэт не вольное дитя, а персидский царь, βασιλευξ в представлении древних греков» [13].

Наконец, в записной книжке Иванова, где он регистрировал поштучно свои работы «под Веселитским», для газет, *обе эти статьи фигурируют*.^{48*} Разумеется, сама специфика деятельности частного корреспондентского бюро предполагает возможность достаточно существенной редактуры материала, представленного любимым из сотрудников, со стороны «шефа», имеющего решающий голос при определении степени готовности к печати того или иного «информационного продукта». Однако в совокупности все изложенные выше факты, касающиеся двух «изобразительных» статей *С-ева* о прощании с прахом императора Фридриха III и об его похоронах, с высокой долей вероятности позволяют **говорить о радикально преобладающем, если не единоличном авторстве Иванова**. Если предположение это верно, то два публикуемых ниже очерка о погребении императора Фридриха III — *первая самостоятельная художественно-публицистическая проза Вячеслава Иванова*, увидевшая свет на страницах печатного издания, его писательский «дебют».

Летом-осенью 1888 г. «фельетонно-бытописательные» фрагменты, как уже говорилось выше, постоянно встречаются в берлинских публикациях *С-ева*.^{49*} Это вполне соответствовало новой ориентации «Московских ведомостей» на «умеренную толерантность» в отношении Германии (и Австро-Венгрии): прежний пропагандистский образ коварного «тевтона-агрессора» заменялся куда более симпатичным и «многоплановым» образом берлинского бурша, «Михеля», погруженного в свои домашние, бытовые хлопоты. Читателям «Московских ведомостей» подобная метаморфоза в берлинских корреспонденциях пришлась, по-видимому, по вкусу: по крайней мере, с октября 1888 г. редакция газеты вводит особую ежемесячную рубрику *«Берлинские письма»*, занимающую целый подвал в одном из последних номеров текущего

месяца. В отличие от предшествующих материалов *С-ева*, «Берлинские письма» не имели никакого особенного «новостного повода»: это были *бытописательные фельетоны в самом прямом смысле слова*. Речь здесь шла о вещах повседневных, интересных для российской аудитории, прежде всего, своим экзотическим бытовым колоритом.

Рубрика продержалась в газете до конца 1888 г. и с нового года возобновлена не была; таким образом, на страницах «Московских ведомостей» увидели свет *три «Берлинских письма»*. По структуре они неоднородны. Если первое «Письмо» (см. Приложение № 1) представляет собой собрание миниатюрных очерков-зарисовок, отделенных друг от друга как графически, так и содержательно (т. е., в сущности, все ту же, знакомую по предшествующим материалам *С-ева* информационную «смесь», только лишенную на этот раз собственно новостной актуальности), то два следующих — полноценные авторские тексты, обладающие композиционным и содержательным единством, исключаяющим какую-либо фрагментарность. *Именно эти два «Берлинских письма», помещенные в № 322 (20 ноября) и № 360 (29 декабря) «Московских ведомостей» за 1888 год оказались помеченными в записной книжке Вячеслава Иванова как «свои».*^{50*} По всей вероятности, и в письме к А. В. Гольштейн под «фельетонами о берлинской жизни для “Московских ведомостей”» Иванов имел в виду, прежде всего, эти пространные — каждая объемом в небольшую брошюру — публикации. По крайней мере, *ничего подобного* в «Московских ведомостях» с 1886-го по 1889 г. (время сотрудничества Иванова с данным периодическим изданием — в качестве личного помощника Веселитского, а затем — сотрудника «ArcBureau») *больше не появлялось*.

Ноябрьское «Берлинское письмо» очень подробно рассказывает о литературной и музыкальной жизни Берлина. Последнее заставляет вспомнить, что Дарья Михайловна Иванова в первое время замужества не оставляла надежду на музыкальную карьеру и даже давала какие-то уроки музыки детям Веселитского. Таким

образом, в студенческой семье Ивановых интерес ко всему, что было связано с Singakademie, Philharmonie и Conserthaus-ом, был продиктован не только общим любопытством интеллигентных москвичей, оказавшихся на родине Бетховена и Вагнера, но и профессиональным интересом одного из супругов. Это, конечно, следует иметь в виду, помня, что автор «Берлинского письма» успел до осени 1888 г. настолько освоиться в среде завсегдатаев концертных залов германской столицы, что сумел разглядеть даже ритмические движения спиц в руках пожилых берлинских «филармонических дам», «усиленно занятых ручной работой при звуках классической симфонии»:

...Спицы — хороший показатель их эстетических эмоций. На месте, захватывающем своею трагичностью, они двигаются прерывисто и энергетически: видно, как душа берлинской дамы борется с овладевающим ею состраданием; во время легких *allegro* спицы радостно рвутся определить темпом быструю палочку дирижера.

Можно добавить, что именно Филармонию Иванов посетил, едва попав вновь в Берлин в ноябре 1895 г., и счел затем нужным подробно описать этот визит в письме к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в одном ряду с визитами по старым берлинским адресам.^{51*} Что же касается «литературной» части статьи, то с первых ее строк —

Немецкая изящная литература переживает печальную эпоху застоя и упадка. Развитие, все ушедшее на внешнее усиление, оставило дух народа лишенным жизненного содержания, —

бросается в глаза практически дословное совпадение тематических установок Иванова с формулировками написанной тремя годами позже программной статьи Д. С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»:

Если современная литературная анархия будет прогрессировать по тому же пути, страшно подумать, до чего же мы дойдем через двадцать, тридцать лет. <...> Что там, в темном будущем, перед которым мы стоим? Смерть народной литературы — величайшее бедствие — немота целого народа, бессловесная смерть его творческого гения!.. [29]

Речь, разумеется, идет не о заимствовании (хотя Мережковский в ноябре 1888 г. теоретически мог, конечно, среди предсвадебных хлопот в Тифлисе ознакомиться и с корреспонденцией «Московских ведомостей», а затем — припомнить прочитанное, создавая символистский «манифест»). Речь о том, что сам Мережковский в письме к Иванову от 20 марта 1903 г. назвал творческим и личностным «родством»: ^{52*} даже не будучи знакомыми (и, возможно, не представляя еще в 1888 г. о существовании друг друга), оба будущих духовных лидера символизма, анализируя схожие явления в немецком и русском литературных процессах, приходили к одинаковым выводам.

Большая часть второй статьи посвящена берлинской почте, о работе которой автор рассказывает с глубоким знанием дела и, как легко заметить, — не без зависти. Тут уместно вспомнить, что в годы берлинского студенчества Иванов был крайне зависим от почтовых сообщений — не только как секретарь Веселитского-Божидаровича и сотрудник журналистского бюро, но и как иностранец, находящийся в долгой разлуке с родственниками, прежде всего, конечно, с оставшейся в Москве на попечении А. Т. и Д. М. Дмитриевских Александрой Дмитриевной Ивановой (в конце концов они взяли ее жить к себе, поскольку прогрессирующая слепота превратила мать Иванова в беспомощного инвалида). Между Берлином и Москвой шел оживленный обмен корреспонденцией, как личной, так и деловой, Иванов постоянно получал и отправлял письма, денежные переводы, посылки — и мог, потому, в полной мере оценить качество почтового обслуживания, которым немцы по праву гордились:

Нельзя не быть благодарным немецкой почте за много доставляемых ею удобств, которые представляются тем более ценными, что их не везде находишь. Так, число почтовых отделений очень велико; разбросанные по всему городу, они всегда бывают вблизи от вашего дома. Тогда как денежные письма выдаются в России только в почтамте, а заграничные и более крупные, притом, — только в главном почтамте, и вдобавок выдаче предшествует сложная процедура удостоверения личности в полиции, здесь денежные письма приносятся на дом, хотя отдаются только в руки адресата, обыкновенно и без легитимизации достаточно известного для представителей почты. При отправлении же денежных посылок означенная на конверте сумма не проверяется, но рассматривается только как сумма, в которую отправитель желает застраховать свое письмо, почему и обязательные пять печатей налагает не почта, а отправитель на дому. О каких-либо пропажах или злоупотреблениях, происходящих от этих упрощений, ничего не слышно.

IV

Как уже говорилось, в новом, 1889 г. рубрика «Берлинские письма» в «Московских ведомостях» возобновлена не была, хотя в феврале на страницах газеты и появились репортажи *С-ева*, похожие по авторской установке на зрелищность и «бытописание» как на «некрохронику» лета 1888 г., так и на ноябрьские и декабрьские «письма», — «*Прием марокканского посольства*» (Московские ведомости. 1889. 4 февр. (№ 35). С. 4–5) и «*Благотворительный базар во дворце князя Бисмарка*» (Московские ведомости. 1889. 5 февр. (№ 36). С. 5). А весной 1889 г. над проектом «*С-евъ*» в берлинском «ArcViergeau» Веселитского нависли тучи, набежавшие, как водится, «с восточной стороны».

В России придворная партия «франкофилов» стремилась взять реванш за поражение 1887 года, успешно отвоевывая утраченные было позиции. Этому весьма способствовала очень странная, откровенно непоследовательная манера ведения дел, присущая молодому

германскому императору. Темпераментный, импульсивный и болезненно самолюбивый Вильгельм II, обожавший, к тому же, произносить речи (иногда — по самому ничтожному поводу), с бездумной легкостью делал заявления, загонявшие в тупик как иностранные кабинеты, так и Рейхсканцелярию, вынужденную постоянно «толковать» высказывания своего монарха так, как некогда иерофант толковал пророчества дельфийского оракула. К тому же Вильгельм не скрывал своих симпатий к той группе прусских генералов, которая, в отличие от старой «команды» героев 1866 и 1871 г., вполне допускала идею «войны на два фронта», утверждая, что Германии по силам одолеть и Францию, и Россию. Одним из них, *Альфреда фон Вальдерзее* (1832–1904), известного своим проектом «превентивного удара» по обеим державам, Вильгельм, едва вступив на германский престол, сделал начальником Генерального штаба. Естественно, что в Петербурге на повестке дня вновь тут же оказался франко-русский военно-политический союз. Как раз в это время, 10 (22) марта 1889 г., едва разменяв шестой десяток, скоропостижно скончался Петр Андреевич Шувалов. Для «германофилов» это была невосполнимая потеря, и с этого момента «центр тяжести» российской внешней политики стал стремительно перемещаться от Германии к Франции.

Деятельность С. А. Петровского на посту редактора «Московских ведомостей» с самого начала не удовлетворяла крайне-правых в окружении Александра III, и лишь заступничество министра народного просвещения И. Д. Делянова и начальника Главного Управления по делам печати Е. М. Феокистова помогало ему до поры до времени оставаться «на плаву» и вести собственную редакторскую политику. Однако интрига против Петровского не угасала, переменившись только с «мытья» на «катанье». Благодушный главный редактор постепенно оттеснялся от руководства газетой первым заместителем *Владимиром Андреевичем Грингмутом* (1851–1907), который и стал к началу 1889 г. ее идейным шефом *de facto* (назначение его таковым *de jure* состоялось семь лет спустя, уже в царствование Николая II). Этнический немец,

В. А. Грингмут, приняв в 1876 г. русское подданство и православие, тут же обратился, как это часто бывает с неофитами, в яростного германофоба и русофила, затмевающего непримиримостью даже Каткова с Победоносцевым. Оба упомянутых деятеля выделяли В. А. Грингмута (талантливого педагога, журналиста и организатора), а после смерти Каткова мудрый обер-прокурор, избегая, в отличие от князя Мещерского и К°, шумных ссор, тут же вырастил за спиной Петровского своего собственного «серого кардинала», способного в любой нужный момент вновь превратить «Московские ведомости» в боевой «официоз».

В 1889 г. такой момент настал, и Грингмут, по отмашке из Санкт-Петербурга, принялся усердно «закручивать гайки». В частности, в Берлин отправился его выдвиженец и ученик *Борис Владимирович Назаревский* (? — после 1917),^{53*} и в феврале вместо толерантного и миролюбивого *С-ева* на страницах «Московских ведомостей» возник свирепый политический публицист *Бен* (постоянный псевдоним Назаревского). «Фельетоны из берлинской жизни» и аналитические очерки вдруг сменились антигерманскими филиппиками столь ожесточенными, что крутым «поворотом оверштаг» в «Московских ведомостях» всерьез заинтересовались в Рейхсканцелярии (о чем Назаревский не преминул тут же с гордостью поведать в Москву^{54*}). Трудно сказать, значило ли явление *Бена* полный отказ «Московских ведомостей» от услуг «AgсBureau» Веселитского,^{55*} но ***С-евъ, появившись в последний раз в № 40 газеты за 9 (21) февраля 1889 г., исчез с ее страниц навсегда.***

С упразднением *С-ева* завершилось и активное сотрудничество с «AgсBureau» Вячеслава Иванова, получившего, по его собственным словам, во вторую половину своего берлинского студенчества место «личного секретаря» у статского советника, чиновника особых поручений Министерства финансов и камергера *Александра Александровича Куманина*, состоявшего при российском посольстве в Берлине «сверх штата».^{56*} В плане «работы

для денег» это была деятельность куда более выгодная, чем литературная редакция и журналистика (тем более, что студенческая семья Ивановых приросла в 1887 г. дочерью Александрой), однако не предполагавшая выхода на широкую аудиторию, а даже совсем наоборот. Сверхштатные финансовые агенты при русских посольствах являлись в то время основным контингентом внешней разведки, управление которой делилось в Российской империи между Министерством финансов (в чьем ведении находилась пограничная стража), Министерством иностранных дел и Министерством обороны.^{57*} Впрочем, рассказ об этом выходит за пределы настоящей работы.

С прежним «принципалом» Иванов поддерживал доброжелательные личные и деловые отношения и после того, как *С-евъ* с его «Берлинскими письмами» оказался повержен неистовым *Беном*. Так, дневник Д. М. Ивановой фиксирует 6 марта 1889 г. утренний визит мужа к Веселитскому-Божидаровичу: «относил корresp. <онденцию> и толковал с ним о летн. <ей> поездке и о славянстве — мечтали» [53].^{58*} С очень большой долей вероятности можно предположить, что очерки Иванова о путешествии в Италию 1892 г., опубликованные ныне под условным названием «Волшебная страна ITALIA», предназначались для направления на публикацию в одно из изданий, являвшихся клиентурой «ArcBureau» [16].^{59*} Вряд ли, однако, они были опубликованы: к этому времени Веселитский уже ликвидировал свое берлинское предприятие и перебрался в Лондон, ставший, наряду с Парижем и Санкт-Петербургом, вершиной нового европейского «политического треугольника», получившего впоследствии название «Антанты».

В дальнейшем судьба Иванова сложилась так, что любые его упоминания о берлинской работе у Г. С. Веселитского-Божидаровича в 1886–1889 гг. могли принести одни только неприятности, как в личном, так и в общественном плане. Л. Д. Зиновьева-Аннибал, ставшая новой спутницей поэта, мучительно ревновала его к бывшей жене, и все, связанное с первым браком Иванова, было ненавистно ей. А окружение «литературной четы», громко

заявившей о себе среди приверженцев «нового искусства» в 1903–1904 гг., было преимущественно «левым», как по эстетическим, так и по политическим убеждениям. Сам факт сотрудничества с «Московскими ведомостями» оказывался в их глазах такой крамоллой, что, безотносительно поправок на время и обстоятельства, мог запросто стать поводом для публичного ostracism. Поэтому Иванов и считал за благо просто предать прошедшее забвению, и нигде и никогда не распространялся в своей «новой жизни» о берлинском журналистском «литературном отрочестве».

Ведь, собственно, и то скупое упоминание об «ArcBureau» Веселитского, с которого и начиналась настоящая статья, было прямо-таки вырвано у него!

Когда в 1903 г. появилась первая книга ивановских стихов, сделавшая имя поэта широко известным среди всех ценителей отечественной словесности, добрая парижская знакомая Иванова, подруга М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова, В. И. Засулич и сама политическая эмигрантка *Александра Васильевна Гольштейн* (1850–1937) с тревогой сообщала автору «*Кормчих звезд*»: «Очень хотела бы написать Вам нечто о враждебном отношении русс<ких> литер<аторов> к Вашему сборнику. Я не думаю, что Ваш сборник встретил эстетическую враждебность. Она должна быть скорее политическая и относиться скорее к Вашему политическому миро-созерцанию. Мне кажется, что теперь в России положение дел настолько обостренное, что люди невольно группируются друг с другом с точки зрения политических идеалов. <...> Я знаю, напр<имер>, что в литературных кругах говорили когда-то, что Вы были корреспондентом в “Москов<ских> вед<омостях>”. Все это влияет на отношение к человеку и не может не влиять при боевом положении, кот<орое> либеральная пресса вынуждена занять в наше грозное время» [51, 178–179].

И Иванов считал себя обязанным успокоить своего «мудрого друга».

«...Недоброжелательность ко мне, — писал он, — все же, думается, не политического свойства. Сердятся на “трудность”,

“эрудицию”, новаторство в языке и т. п. В сборнике политики нет. Что изумило меня, — это “всеведение” молвы, существования которой не подозреваешь. В мое студенчество в Берлине я одно время сотрудничал в корреспондентском бюро Веселитского (“Аргус”), обрабатывая данный материал по иностр<анной> политике и сочиняя фельетоны о берлинской жизни под его именем (для “Моск<овских> вед<омостей>”). Разошелся я с ним из-за несогласий о мысли одной корресп<онденции> в “Нов<ом> вр<емени>” об иностранной же политике» [51, с. 181].^{60*}

Думается, что общественной щепетильности Александры Васильевны Гольштейн мы должны быть всячески благодарны. Именно эта, вынужденная ею, реплика и сыграла роль запечатанного в бутылке послания, которое, брошенное в море времени, дошло теперь до нас, — указания же открыли целый неведомый остров раннего творчества Иванова, обнаружив еще один лик неуловимого и непредсказуемого Протея русской литературы XX века:

Где я? где я?
По себе я
Возалкал!
Я — на дне моих зеркал.
Я — пред ликом чародея
Ряд встающих двойников,
Бег предлунных облаков...

Автор статьи выражает благодарность Н. В. Котрелеву за сведения об архивных материалах раннего Иванова, связанных с его «берлинским периодом», А. В. Лаврову, взявшему на себя труд чтения первоначального варианта работы, а также — Александре Гавриленко (Ульченко), Александру Карпову и Елене Ляшенко, оказавшим при создании статьи существенную техническую помощь.

Примечания

* См. о нем: [25].

** *Ольга Александровна Шор* (псевд. О. Дешарт, 1894–1978), историк искусства, помощник и доверенное лицо Вяч. И. Иванова, а после его смерти — издатель и редактор ивановского Собрания сочинений. Первый том Собрания (Брюссель, 1971) открывается обширным очерком жизни и творчества Иванова, составленным О. А. Шор во многом со слов самого поэта.

*** Еще в 1863 г. официальный «Журнал Министерства народного просвещения» недвусмысленно констатировал в отечественных вузах «недостаток хороших профессоров, происшедший от стеснения молодых ученых в возможности довершать свое образование за границей» [27, с. 26]. В принятом в том же году новом университетском Уставе предусматривалось радикальное упрощение зарубежных контактов российских универсантов. Сразу вслед за этим «на постоянной основе стал развиваться процесс интеграции российской науки с наукой Западной Европы (научные командировки за границу приват-доцентов и профессоров, переписка с коллегами за рубежом, участие в международных научных съездах, взаимное содействие в сборе источников, взаимообогащение идеями)» [27, с. 28]. Тогда же к европейским научным исследованиям в самых различных областях успешно подключилась и российская университетская молодежь.

**** См.: [17, с. 356].

***** См.: [14, с. 16]. Также об этом эпизоде см.: [6, с. 310–311]. *Фридрих Вильгельм Гизебрехт* (Giesebrecht, 1814–1889) и *Рудольф Зом* (Sohm, 1841–1917) — немецкие историки, профессора Берлинского университета.

^{6*} «Перейдя в четвертый класс, уже давал уроки <...> Во внешней жизни эта эпоха определилась для меня, как начало долгого и сурового труженичества. Я давал так много платных уроков, что имел свободу читать и думать только ночью» [14, с. 13].

^{7*} См. письмо Д. М. Ивановой-Дмитревской к И. М. Гревсу от 22 августа 1895 г. [22, с. 148].

^{8*} Автограф поэмы (неозаглавленной) с авторским предисловием и датой см.: [58]. Рассказанная в «Легенде» история еврейского мальчика-музыканта, которого приводит к христианству (и к гибели от рук прежних

единоверцев) возвышенная красота богослужения, перекликается с детскими воспоминаниями самого Иванова: «Толковать евангельские слова мать считала безвкусным, но подчас мы спорили о том, какое место красивее. Так, мать особенно любила 12-ю главу от Матфея с приведенным в ней пророчеством Исаии (“трости надломленной не преломит, и льна курящего не угасит”), а меня еще властительнее пленял конец 11-й главы, где говорится о “легком иге”. С той поры я полюбил Христа на всю жизнь. Эстетическое наивно переплеталось с религиозным и в наших маленьких паломничествах по обету пешком, летними вечерами к Иверской или в Кремль, где мы с полным единодушием настроения предавались сладкому и жуткому очарованию полутемных старинных соборов с их таинственными гробницами» [14, с. 12].

^{9*} Это был возобновленный Катковым под новым названием журнал «Сын Отечества», имевший под прежним руководством К. П. Масальского умеренно-консервативное направление. Во главе «Русского вестника» встали, помимо Каткова, П. М. Леонтьев и Е. Ф. Корш, обеспечивая, соответственно, на первых порах сотрудничество как славянофилов, так и западников. И хотя «партийное размежевание» случилось достаточно быстро, «Русский вестник» уже имел к тому времени стоящую над идейными разногласиями репутацию «образцового» с эстетической точки зрения издания.

^{10*} См.: [14, с. 16]. *Зубков Владимир Георгиевич* (1849–1903) — филолог-классик, профессор Московского университета. *Франц Бюхелер* (Bücheler, 1837–1908) и *Герман Узенер* (Usener, 1834–1905) — филологи-классики, профессора Боннского университета, создавшие здесь в 1870–1880-е гг. филологическую научную школу. Этими письмами Иванов, по его собственному выражению, «не воспользовался, далеко обегая суженую и избранницу сердца — античную филологию».

^{11*} О Г. С. Веселитском-Божидаровиче см.: [47], а также автобиографический очерк, написанный им для С. А. Венгерова: [9].

^{12*} Вернувшись из Ливадии, Г. С. Веселитский-Божидарович подробно рассказал о положении на Балканах в новой публичной лекции, также прочитанной в петербургском отделе Славянского благотворительного комитета. В ней он сравнивал черногорских бойцов, четыре месяца

успешно противостоявших турецким регулярным частям, с былинными богатырями, называл минувшую балканскую кампанию «удивительной» по проявленной повстанцами силе духа и воинской доблести, не скрывая, однако, что положение их после заключенного в октябре перемирия, — без вмешательства России, — оказывается практически безнадежным: «Черногория, спасенная от нашествия, так же разорена и опустошена, как и Герцеговина. Самую природою осужденные на бедность, черногорцы приняли и приютили, как и чем могли, семейства тех несчастных, за освобождение которых они жертвовали своей жизнью. И вот награда этого высшего их подвига: они не спасли других от голода, а сами подверглись той же опасности. Столько постоянного мужества и самоотвержения, такие победы, такая слава — и ни куска хлеба! Но если их положение кажется отчаянным каждому постороннему наблюдателю, сами они не показывают никакого уныния. Все лишения и страдания переживаются ими без ропота, без жалоб, без просьб о помощи. Естественная гордость переполняет их в настоящую минуту. Зная, что я уезжаю в Россию, они подходили ко мне и говорили мне: “Скажите братьям-руссам все, что Вы видели, все, что Вы знаете о нас, только не просите за нас ничего!”» [51]

^{13*} См.: [62, л. 5].

^{14*} См.: [62, л. 4].

^{15*} «Союзом трех императоров» называли систему союзных договоренностей между Российской, Австро-Венгерской и Германской империями, начало которой было положено осенью 1872 г. на берлинской встрече Александра II, Франца-Иосифа и Вильгельма I. Среди обязательств, взятых на себя участниками Союза, была и взаимная военная помощь в случае «нападения четвертой державы». В 1881 г., вступая на престол, Александр III продлил «Союз», но заменил положение о военной помощи — положением о «доброжелательном нейтралитете», а также ограничил срок его действия 1887 годом.

^{16*} После победы России над Османской империей в войне 1877–1878 гг. состоявшийся в Берлине конгресс великих держав принял решение об образовании на территории бывшей Европейской Турции независимых славянских государств Сербии, Черногории, Румынии и Болгарии. Однако историческая территория последней была поделена

на собственно Болгарское княжество со столицей в Софии и Восточную Румелию со столицей в Филиппополе (Пловдиве), которая оставалась в составе Османской Турции на правах автономии. Князем Болгарским по предложению Александра II стал племянник его жены, сын принца Александра Гессен-Дармштадтского и графини Юлии фон Хауке *Александр фон Баттенберг* (1857–1893), принимавший активное участие в военных действиях на Балканах. Прибыв в Болгарию, Баттенберг в 1879 г. принес присягу на верность конституции, после чего сменил на руководящем посту русского императорского комиссара А. М. Дондукова-Корсакова и сформировал правительство, состоящее из болгарских общественных деятелей и российских военных. Открытое политическое и военное присутствие России в Болгарии вызывало раздражение у местной интеллигенции. Почти сразу в стране сформировалась сильная националистическая оппозиция, требовавшая освобождения властных и военных структур от «русского диктата». С другой стороны, князь Александр не обладал достаточным опытом политической интриги и к тому же был подвержен влияниям кружка фаворитов, преследовавших корыстные цели. В 1880–1881 гг. новорожденное европейское государство пережило ряд потрясений, которые удалось преодолеть благодаря конструктивной политике тогдашнего русского кабинета и доброжелательному вмешательству императора Александра II. Однако после гибели последнего отношения Баттенберга с Петербургом резко обострились. Александр III видел в болгарском князе своего «вассала» и требовал от него слепого повиновения, не считаясь ни с самолюбием Баттенберга, ни с реальным положением вещей в его княжестве. Это привело к тому, что Баттенберг всячески стремился освободиться от российской «опеки», отстраняя русских министров и военных советников и лавируя между националистами и эмиссарами Австро-Венгрии, имевшими свои экономические интересы в Болгарии. В 1885 г. Баттенберг без консультаций с Петербургом признал восставшую Восточную Румелию вошедшей в состав Болгарии, спровоцировав конфликт между державами-участницами Берлинского конгресса и войну с Сербией. Разгромив в ноябре 1885 г. сербские войска под Сливницей, Баттенберг утвердил свой авторитет национального лидера, но окончательно утратил доверие Александра III,

желавшего видеть на болгарском троне более предсказуемого и покорного кандидата.

^{17*} Иванов отбыл из Москвы в Берлин в июле 1886 г., предварительно обвенчавшись с Д. М. Дмитриевской. 9 (21) августа 1886 г. русские агенты при поддержке группы офицеров софийского гарнизона организовали переворот, заставили Александра Баттенберга подписать отречение и вывели его из страны, оставив в Софии Временное правительство во главе с тырновским митрополитом Климентом. Однако переворот не был поддержан ни болгарским военным командованием, ни Народным собранием, лидер которого С. Стамбулов призвал Баттенберга вернуться в Софию. Под давлением императора Александра III, приславшего Баттенбергу ультимативное требование покинуть болгарский трон, князь Александр, прибыв в столицу, вторично отрекся от власти, передав правление регентам. Однако симпатии национальной элиты и значительной части населения Болгарии остались на стороне мятежного князя. Началось открытое гонение на политиков-«русофилов» и чистка армии. Присланному в сентябре 1886 г. из Петербурга генералу Н. В. Каульбарсу не удалось исправить ситуацию. После массовых антироссийских выступлений, завершившихся досрочными перевыборами Народного собрания и провозглашения в обход российских рекомендаций новым князем Болгарским датского принца Вольдемара (отклонившего впоследствии приглашение на престол), Каульбарс 26 октября (8 ноября) заявил о признании Россией существующих в Болгарии властей и о разрыве дипломатических отношений между Петербургом и Софией.

^{18*} «Принципалом» (от *лат.* *prīncēps* — первый, глава) Г. С. Веселитского-Божидаровича «за глаза» звали в семье Ивановых в берлинские годы. См.: [15]. Принципат, введенный в Риме в начале I в. Октавианом Августом, устанавливал систему «республиканской монархии», в которой верховный правитель одновременно являлся и «первым сенатором», формально имеющим, наравне с другими, равный статус народного избранника, но выполняющим качественно иные властные функции.

^{19*} Получив в университете рекомендательные письма к Бюхелеру и Узенеру, Иванов — автор «Легенды», восхитившей, по словам О. Шор, самого М. Н. Каткова, — мог озаботиться получением в редакции

«Московских ведомостей» и рекомендательного письма к их берлинскому корреспонденту. Не исключена и возможность личной встречи Иванова с Веселитским-Божидаровичем в доме Каткова на Страстном бульваре (где располагалась редакция и газеты, и журнала). Эта дополнительная гипотеза основана на том, что, как в еженедельных (обычно) корреспонденциях «Аргуса» в «Новом времени», так и в корреспонденциях «X.X.» в «Московских ведомостях» за 1886 г. существует перерыв, приходящийся как раз на февраль (за корреспонденцией «Аргуса» из Вены в «Новом времени» от 14 (26 января) 1886 г. (№ 3549) следующая появляется только в № 3581 от 18 февраля (2 марта); за корреспонденцией «X.X.» из Берлина в «Московских ведомостях» от 26 января 1886 г. (№ 26) следующая появляется только в № 46 от 15 февраля). Это могло произойти в случае, если Веселитский-Божидарович вообще отсутствовал на европейском политическом «поле боя» и никакой свежей информацией не располагал.

^{20*} См.: [8], [5]. См. также работы, содержащие ценную информацию на указанную тему: [26], [73], а также уже упомянутую статью-монографию: [6].

^{21*} Только в примечаниях Н. В. Котрелева к публикации т. н. «Интеллектуального дневника» — текстов из рабочих тетрадей Иванова 1888–1889 гг. — можно было найти краткую справку о Веселитском-Божидаровиче, отрывок из берлинской корреспонденции в № 252 «Московских ведомостей» от 5/17 сентября 1888 г., «которой Иванов был если не автором, то соавтором», и указание, что латроним *С-евъ*, которым подписана данная статья, «принадлежит принципалу Иванова Г. С. Веселитскому-Божидаровичу; степень участия молодого литературного сотрудника в подготовке отсылаемых материалов менялась — от записи под диктовку до, в отдельных случаях, самостоятельного авторства» (см.: [10, с. 51–52]). Следует уточнить, что впервые подпись *С-евъ* появляется в берлинской корреспонденции «Московских ведомостей» 5 ноября 1887 г., т. е. тогда, когда Веселитский возглавил созданное им в Берлине «ArcButeau» (о чем в настоящей работе будет рассказано далее).

^{22*} См.: [40].

^{23*} Это был потомок покровителя Лютера, саксонского курфюрста Фридриха III Мудрого, представитель младшей ветви Саксонского дома

Веттинов, сын принца Августа Саксен-Кобургского и французской принцессы Клементины де Бурбон-Орлеанской (дочери короля Луи-Филиппа), имевший родственные связи с английским, португальским и бельгийским королевскими домами. В декабре 1886 г. ему было полных 25 лет, он был отставным обер-лейтенантом венгерской кавалерии.

^{24*} См.: [45].

^{25*} Генерал-фельдмаршал Х.-К.-Б. фон *Мольтке* был командующим прусской армией во время победоносной для Берлина войны с Францией в 1870–1871 гг. (см. о нем в примечаниях к публикации статьи «Похороны императора Фридриха»).

^{26*} Уместно привести характеристику Бисмарка, данную Г. С. Веселитским-Божидаровичем в феврале 1886 г.: «Внутренняя германская политика представляет высокий трагический интерес тем, что мы в ней видим борьбу гигантского ума и воли не с одними личностями, а с силой вещей, с вечными условиями жизни природы и человечества, сопротивление которых бывает могущественней всех усилий иного гения. Князь Бисмарк так ясно явил всему превосходство свое над врагами и друзьями, что бороться с ним, мериться с ним силами не приходит уже никому в голову. Сами честолюбивые и смелые люди только и думают, как бы примкнуть к нему, расположить его в свою пользу и действуя заодно с ним, служа его усилиям, приобрести что-нибудь и для своих целей» [77].

^{27*} См.: [21].

^{28*} В связи с конфликтом России и Австрии во время «болгарского кризиса» «Союз трех императоров» так и не был перезаключен, отчасти замененный «договором перестраховки». Несмотря на то, что наличие «Союза трех императоров» было для всех «секретом Полишинеля», формально он и в 1887 г. являлся государственной тайной; демарш Каткова, позволившего себе публичное его оглашение в печати, был недопустимым шагом в глазах как императора Александра III, так и его кабинета.

^{29*} См.: [7], [72]. Следует сказать, что на последние месяцы жизни Каткова приходится весьма запутанная интрига с его письмами, якобы отправленными президенту Франции Ж. Гриви и председателю парламентской палаты в Париже Ш. Флоке, в которых содержались планы давления на русское правительство для предотвращения заключения им союзных

обязательств с Германией. Возможно, как утверждали и утверждают поклонники Каткова, это были фальшивки, подкинутые во французские «офицюзы» его недоброжелателями. Так или иначе, но подозрение в государственной измене омрачило последние дни великого журналиста: уже больной и немощный, он порывался оправдаться, искал встречи с царем и с Н. К. Гирсом, но не был принят ни тем, ни другим.

^{30*} «Идеей союза <России> с Германией я занимался практически более кого-нибудь ныне живущего русского. Ведь я подготавливал договор, заключенный Шуваловым с Бисмарком!» [55]. См. также: [24].

^{31*} Лишь один материал о переговорах Бисмарка с английским кабинетом о занятии Германией датского острова Гельголанд и о политике Германии в отношении стран Латинской Америки, помеченный 27 июля (8 августа) и помещенный в № 210 за 2 (14) августа 1887 г., подписан ничего не говорящей читателю литерой «X».

^{32*} «В 1887–92 гг. Веселитский был изд.<ателем> *Allgemeines Reichs-correspondenz* и директором *ArcBureau* в Берлине» [62].

^{33*} Эта обширная статья, ждущая на настоящий момент переиздания и, потому, недоступная большинству современных читателей, была опубликована в петербургской газете «Гражданин» летом 1888 г. Комментируя сотрудничество Иванова в «Гражданине», Н. В. Котрелев атрибутирует анонимный текст ссылкой на фрагмент из письма А. М. Дмитриевского Иванову 31 августа: «В каких №№, Вяч.<еслав>, твои статьи о Трейчке и о выставке?» (см.: [10, с. 52]). Статья о берлинской академической выставке в «Гражданине» не появилась (хотя была отослана), а статья о «Двух императорах», помеченная 15 (27) июля, была опубликована анонимно в № 200 за 20 июля 1888 г. В ней Иванов, в частности, писал: «К голосу Генриха фон-Трейчке привыкли вообще прислушиваться не одни собраты по ремеслу да немецкие студенты, взирающие на него с энтузиазмом. Прусский королевский историограф, являющийся в изображениях прошлого политиком настоящего, обращается со своим письменным и устным словом всегда к обширным сферам. Апологет ныне установленного порядка вещей в Германии и пропагандист дальнейшего развития преобладания Пруссии и все большего усиления власти Гогенцоллернов, он хочет быть слышен всем.

Нельзя отрицать в этом талантливом человеке дара блестящего и увлекательного красноречия, как и искренности его любви к Пруссии, хотя сам он саксонец по происхождению. Это чувство нередко вызывает на глаза его слезы во время горячей речи в кругу слушателей; оно же сделало его поэтом любимой его идеи: существует сборник написанных им патриотических стихотворений. Но поэтом своего своеобразно понятого патриотизма является он и на университетской кафедре и в исторических трудах. Любовь к Пруссии слишком часто обращается в ослепляющее его пристрастие; он мерит исторические лица и события узким политическим критерием современности, набрасывает неверный свет на целые эпохи, становясь во враждебное отношение к другим народам и часто отказывая им в подобающей на суде истории дани признания или благодарности» (с. 4).

^{34*} Следует добавить, что тема «истории и политики» вновь была поднята в берлинских материалах «Московских ведомостей» в ноябре того же года, по всей вероятности, Г. С. Веселитским-Божидаровичем, столкнувшимся с шовинистическими историческими концепциями еще во время своего гейдельбергского студенчества: «Первое, что нас разделяет от Германии, — это историческая привычка немецкого племени жить за счет славянского и, опираясь на могучие плечи России, пользоваться услугами ее для своих исключительно целей. Нас разделяет также теория, выработанная немецкими профессорами насчет судеб немецкого и славянского племен. Автор этих строк в былое время целые семестры слушал выдающихся светил немецкой науки, проповедавших, что “совершенное” государство не может быть составлено из одной расы, так как есть расы, способные повелевать, но коим недостает способности повиноваться, как, например, германская; и, наоборот, есть расы, способные лишь повиноваться, как, например, славянская. Как на образец таких совершенных государств указывалось в первой степени на Пруссию. Далее нас разделяет силой обстоятельств стремление Германии к колонизации Востока и германизации наших окраин» [34].

^{35*} И действительно, «буланжисты» вскоре поставили Французскую республику на грань катастрофы. «У нас теперь наступила такая путаница, в которой ничего не разберешь, уже потому, что актеры нашего

политического театра сами, по-видимому, не отдают себе отчета в роли, которую разыгрывают», — говорили рядовые французы (см.: [45]). Генерал Буланже был связан с внуком свергнутого короля Луи-Филиппа, живущим в эмиграции в Великобритании, и с французскими сторонниками Орлеанской династии, которые разработали план военного переворота. Буланже, согласно этому плану, должен был сделаться главным начальником французских вооруженных сил. 27 марта 1888 г. новоизбранный президент Франции С. Карно уволил Буланже с военной службы, а в апреле 1889 г. он, чтобы избежать ареста по обвинению в государственной измене, вынужден был бежать в Брюссель, где в 1891 г. покончил с собой.

^{36*} Упомянутый Гиляровским С. Ю. *Vumme* (1849–1915) в 1887–1888 гг. состоял управляющим Юго-Западных железных дорог, проявляя уже тогда выдающиеся административные способности. В отличие от придворных и министерских единомышленников Каткова, приятель Петровского (и будущий премьер-министр) С. Ю. Витте был «западником» и либералом, а его гражданская жена М. И. Лисаневич являлась персоной *non grata* при дворе Александра III из-за скандальной репутации и «вольнодумства».

^{37*} Следует отметить, что очень влиятельный при дворе Мещерский прочил на пост Каткова либо историка Д. И. Иловайского либо своего сотрудника А. А. Голенищева-Кутузова и в письме к Александру III от 12 октября 1887 г. бурно осуждал «отдачу “Московских ведомостей” Петровскому, бывшему у Каткова смиренным прислужником. Но барин умер, и холоп возомнил и стал нагл и нахален в своих замыслах...» [11]. См. также: [23].

^{38*} См.: [36].

^{39*} Первым среди них было парижское информационное агентство Ш-Л. Гаваса, созданное в 1835 г., берлинское агентство Б. Вольфа (1848) и телеграфное агентство Ю. Рейтера в Лондоне (1850). После прокладки трансатлантического телеграфного кабеля (1858) новостным обменом между континентами ведало американское агентство Associated Press.

^{40*} В 1833 году великий немецкий математик и физик *Карл-Фридрих Гаусс* (Gauss; 1777–1855) вместе со своим учеником В. Вебером создали первую телеграфную линию, связавшую геттингенскую магнитную

обсерваторию с городом Нейбургом проволокой, по которой давались сигналы при помощи гальванического тока, по разработанной Гауссом системе. В 1847 г. физик-электротехник Вернер Сименс (Siemens; 1816–1892) запатентовал в Берлине разработанный им мощный телеграфный аппарат и создал вместе со своим братом Вильгельмом и механиком Г. Гальске фирму, которая успешно осуществила прокладку первой в Европе электрической телеграфной линии большой протяженности, связавшей столицу Пруссии с Франкфуртом-на-Майне. С этого времени фирма «Сименс и Гальске» стала исполнителем грандиозных проектов интернациональной телеграфной связи, кульминацией которых явилась прокладка в 1867–1870 гг. Индоевропейской телеграфной линии, соединившей Лондон и Калькутту через Берлин, Варшаву, Тегеран, и знаменитый рейс специально построенного Сименсами парохода «Фарадей», протянувшего в 1874 г. по дну океана кабель, связавший берега Ирландии и США. До 1884 года этот корабль проложил шесть трансатлантических кабелей.

^{41*} См. краткое упоминание об этом в указанной работе К. Лаппо-Данилевского и в комментариях к ней [26, с. 184, 189].

^{42*} Так, процитированный выше фрагмент корреспонденции *С-ева* о «сербском кризисе» (скандальному разводу летом 1888 г. сербской королевской четы, который привел к отречению от престола Милоша Обреновича и переходу власти в Сербии к его сыну Александру), безусловно, принадлежит перу Г. С. Веселитского-Божидаровича. Он являлся доверенным лицом королевы Натальи и принимал самое деятельное участие во всех событиях: «Веселитский рассказал, как он поехал от королевы Натальи к Шувалову просить, чтобы Россия заступилась за нее, и ей оставили бы ее сына. Он в 5 часов утра разбудил Шувалова, который при нем получил депешу из Петербурга не вмешиваться в это дело. Веселитский, по его словам, получил в Берлине прозвание “Le cavalier de la reine” (“Кавалер королевы” (*фр.*))» [4].

^{43*} См.: [14, с. 18].

^{44*} И это же заставляет видеть во всех корреспонденциях *С-ева* (см. Приложение № 2) если не соавторство Иванова, то, по крайней мере, присутствие творческого элемента, исходящего от него.

^{45*} См.: [52, с. 181]. Курсив мой.

^{46*} Вильгельм никогда не считался наследником прусского престола, перешедшего от его отца Фридриха-Вильгельма III к старшему брату Фридриху-Вильгельму IV. Вильгельм готовил себя к военной карьере, с 1814 г. служил в армии и прослыл храбрым солдатом, сражаясь против Наполеона I. Бисмарк, хорошо изучивший своего сюзерена, сравнивал его отношение к выполнению королевских (а затем — императорских) обязанностей с ответственностью и отвагой добросовестного прусского лейтенанта, заступившего в опасный караул. «Император Вильгельм I имел и ум, и чувства человека военного. Сын его, нынешний император, напротив того, положительно человек мира, а не войны. По своим склонностям и своему мягкому характеру, он особенно сочувственно относится к науке. Он получил весьма основательное и глубокое образование и взгляды у него либеральные...» [30].

^{47*} В начале 1888 г. прошел слух, тут же подхваченный газетчиками, что на закрытом заседании совета министров был поднят вопрос об устранении Фридриха, как неизлечимо больного, от права престолонаследия (подобная оговорка имела в ст. 56 прусской конституции), так что после первого появления Фридриха III перед берлинцами «публика, введенная в заблуждение агитацией бисмарковских официозов, <была> очень удивлена, видя, что новый император несравненно более способен царствовать и даже править, чем это утверждали “посвященные” и даже “вдохновенные” органы печати» [66].

^{48*} Сообщено Н. В. Котрелевым, подготовившим отдельную публикацию этих уникальных материалов, которая должна увидеть свет в ближайшее время.

^{49*} См., напр.: *«Открытие Рейхстага — Толки о тронной речи — Орган канцлера против “Пеитского Ллойда” и доктора Мекензи»* [42]; *«Юбилей крещения Руси — Протестантский памфлет о православии — Пожертвования в посольскую церковь — Случай с русской бонной»* [43]; *«Седанские празднества — Театры — Ферейны — Клаузиус — Юбилей Иеринга — Гарнак»* [44]; *«Имперская централизация — Брауншвейг и Липе-Детмольд — Реформа гражданского уложения — Молодежь — Студенты — Буланже»* [39].

^{50*} Сообщено Н. В. Котрелевым.

^{51*} «...Вчера один был в Philharmonie, где слышал много интересного, между прочим первую симфонию Шумана, Charfreitagszauber из вагнерова “Парсифаля” и “Франческу да Римини” Чайковского, которая потрясла и пленила меня. Что же касается “Bühnen-weih-fest-spiel”-я Вагнера, то его неискренняя Frömmerei, и искусственный мистицизм, и аффектированное глубокомыслие произвели на меня отталкивающее впечатление чего-то ложного. Играли также “Geschöpfe des Prometheus” Бетховена и “Nachklänge an Ossian” — Gade; последняя увертюра очаровала меня своей поэзией и возбудила жажду познакомиться с известным мне только по немногим отрывкам Оссианом. Столько о поэзии моей жизни. Прозу же ее составляют знакомые, которых нельзя вовсе игнорировать <...>» [17]. «*Bühnen-weih-fest-spiel*»’ем, т. е. «произведением для освящения театра», Вагнер называл оперу «Парсифаль», написанную для открытия своего театра в Байрейте; Иванов слушал интерлюдии из нее — «Чудо Страстной Пятницы» (нем. «*Charfreitagszauber*»). Упоминаются также «*Творения Прометейя*» Бетховена и «*Отзвуки Оссиана*» Нильса Гаде (1817–1890).

^{52*} См.: [54].

^{53*} Литературовед, фольклорист и критик, автор работ о Пушкине, Гоголе, А. К. Толстом, Б. В. Назаревский служил в московском цензурном комитете и был активным участником монархического движения. Он являлся одним из учредителей Русского Монархического собрания, на заседаниях которого, в частности, прочел доклад «Основы политических убеждений В. А. Грингмута»), и Отечественного Патриотического союза. В 1914–1916 гг. Назаревский стал редактором-издателем «Московских ведомостей», передав затем этот пост своему брату, историку В. В. Назаревскому, который оказался последним редактором газеты, закрытой 27 октября 1917 г.

^{54*} «Вчера мне сообщили добрые знакомые, что в известных сферах усиленно желают узнать имя вашего корреспондента. Я сам виноват в том, что возбудил это любопытство, так как не завозил своих визитных карточек князю Бисмарку и начальнику берлинской полиции Рихтгофену, но не сделал этого только потому, что опасаясь, чтобы со мной не повторилась такая же неприятная история, как с моим венским собратом г. Хозарским (а из Берлина корреспонденты вылетают скорее и чаще, чем из

Вены). Я поэтому решил до поры до времени не открывать своего инognito. Могу только уверить моих берлинских друзей, что их догадки совершенно ошибочны, и я не имею решительно никаких отношений к лицам русского посольства» [3].

^{55*} В течение 1889 г., наряду с корреспонденциями *Бена* в «Московских ведомостях» несколько раз появлялись статьи из Германии, подписанные другими псевдонимами и выполненные явно в другой манере (например, интересные репортажи из Дрездена, где праздновался восьмисотлетний юбилей саксонской королевской династии Веттинов, подписанные литерой «Э.», в № 160, 161, 162 и 166). Возможно, это были креатуры Веселитского-Божидаровича.

^{56*} См.: [2].

^{57*} См. об этом: [71].

^{58*} Цит. по: [15].

^{59*} Ср. в комментариях Г. М. Бонгард-Левина, Н. В. Котрелева, Е. В. Ляпустиной: «Для кого писались эти очерки? Трудно не заметить, что повествование Иванова подразумевает внешнего адресата. Оно сильно беллетризовано, просто, может быть, даже упрощено по содержанию и стилистике; его можно было бы представить помещенным на страницах толстого журнала, скорее даже в газете» [16, с. 400].

^{60*} Подробности упомянутого Ивановым конфликта с Веселитским-Божидаровичем на настоящий момент неизвестны, равно как и время их «расхождения». Г. С. Веселитский-Божидарович работал лондонским корреспондентом в «Новом времени» до 1915 г., используя неизменно псевдоним «Аргус». Под тем же псевдонимом его материалы помещались в газетах «Голос» (1886–1915), «Киевлянин» (1898), «Вечернее время» (1914–1917) (см.: [28]). В канун русско-японской войны он, по-видимому, побывал на Дальнем Востоке, добрался до Японских островов и, вернувшись в Англию, в начале боевых действий читал в Лондоне в Центральном Азиатском обществе лекцию на тему «Азиатский вопрос». В этой лекции Веселитский высказал «положения, вполне оправдавшиеся. Опровергая рядом исторических доказательств общее мнение о том, что Азиаты не деятельны, не прогрессивны, не производительны, он говорит о центральном значении Японии в среде Азиатских народов, мечтающих

об объединении, и из этого выводит необходимость согласной политики между Англией и Россией» [62, л. 3]. Наездами Веселитский бывал и в России, где также читал лекции на разные темы, «по делам, в проведении которых он принимал участие». Любопытно, что среди упомянутых Веселитским публичных выступлений 1907 г. имеется лекция «*О новом большом русском поэте*», прочитанная «в салоне герцогини Седерленд». Имела ли она отношение к творчеству его бывшего «литературного секретаря» — неизвестно. «Веселитский, — заключал свой автобиографический очерк «от третьего лица» Гавриил Сергеевич, — известен не только как политик, востоковед и публицист, но и как глубокий знаток философии, языкознания и всемирной литературы. 20 марта 1907 г. Лондонское Общество всемирной иностранной печати, президентом которого он состоит с основания его, праздновало 40-летие его публицистической деятельности. В течение этой деятельности Веселитский имел случаи быть представленным к Русскому и иностранным Дворам» [62, л. 6]. К этому следует прибавить, что после Октябрьского переворота 1917 г. Веселитский служил в Министерстве иностранных дел Великобритании. Скончался он в 1930 г. В печати «русского зарубежья» на его смерть откликнулись газеты «Новое время» (Белград, 2 сент., № 2809), «За свободу» (Варшава, 11 сент., № 2809), «Возрождение» (Париж, 12 сент., № 1928). В Советской России он к тому времени был давно забыт.

Литература

1. *Schiemann T.* Geschichte Rupiands, Polens und Livlands bis zum 17 Jahrhundert. В., 1886.
2. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1885 год. Ч. I. Власти и места центрального управления и ведомства их. СПб., 1885. Стлб. 19, 517.
3. *Бен.* Берлин. 5 (24) октября. *От нашего корреспондента.* Недовольство Балтов князем Бисмарком — Русские ордена и их значение в Берлине — Нескромное любопытство // Московские ведомости. 1889. 30 окт. (№ 300). С. 3.

4. *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990. [Электронный ресурс]. URL: <http://lost-empire.ru>
5. *Бонгард-Левин Г. М.* Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам за настоящей наукой...» // Вестник древней истории. 2001. № 3. С. 150–184.
6. *Бонгард-Левин Г. М., Котрелев Н. В., Ляпустина Е. В.* Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова — памятник русской культуры // История и поэзия. Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова. М., 2006.
7. *Ванеян С. С.* Катков Михаил Никифорович // Русские писатели: 1700–1917: Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 512.
8. *Вахтель М.* Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета // *Chahiers du Monde russe*. 1994. Vol. XXXV (1–2). Janvier-juin. P. 353–376.
9. *Веселитский-Божидарович Г. С.* [Автобиографический очерк] // РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 819. Л. 3–6.
10. Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999.
11. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 895. Л. 353–353 об.
12. *Гиллярковский В. А.* Избранное: В 3 т. М., 1960. Т. 2.
13. *Гумилев Н. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 2006. Т. 7. С. 127.
14. *Иванов В. И.* Автобиографическое письмо // Иванов В. И. Собрание сочинений. Том 2. Брюссель, 1974.
15. *Иванов Вяч.* Интеллектуальный дневник 1888–1889 гг. / Подготовка текста Н. В. Котрелева и И. Н. Фридмана, примечания Н. В. Котрелева // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 52.
16. *Иванов Вячеслав.* <Волшебная страна ITALIA> // История и поэзия: Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова. М., 2006. С. 397–426.
17. *Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия.* Переписка: 1894–1903. Т. 1. М., 2009.
18. Из Берлина. 15 (3) мая // Московские ведомости. 1887. 12 мая (№ 129). С. 4. Б. п.
19. Из Берлина. 17 (5) марта // Московские ведомости. 1887. 14 марта (№ 72). С. 4. Б. п.

20. Из Берлина. 7 октября. Агитация «Балтов» в Германии — Исторические веянья — Средневековые формулы в политике средневропейской лиги — Соглашение Квиринала с Ватиканом, подготовляемое во Фридрихсру — Триполи или Албания? // Московские ведомости. 1887. 3 окт. (№ 272). С. 3. *Б. п.*
21. История дипломатии. Том II / Под ред. А. А. Громыко, И. Н. Земскова, В. А. Зорина, В. С. Семенова, С. Д. Сказкина, В. М. Хвостова. М., 1963. Глава 8: Балканский вопрос и франко-германские противоречия (1885–1890 гг.). Заключение франко-русского союза.
22. История и поэзия: Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова. М., 2006.
23. «Их возражения — теория и фраза!..» В. П. Мещерский и К. П. Победоносцев при Александре II. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voskres.ru/idea/dronov8.htm>
24. *Кострикова Е. Г.* Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны // Библиотека Центра экстремальной журналистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.library.cjes.ru>
25. *Кузнецова О. А.* Стихотворные послания Вяч. И. Иванова к А. М. Дмитревскому // Гумилевские чтения. СПб., 1996. С. 239–244.
26. *Лапто-Данилевский К.* набросок Вяч. Иванова «Евреи и русские» // Новое литературное обозрение. № 21 (1996).
27. *Летяев В. А.* Восприятие римского наследия российской наукой XIX — начала XX в. Волгоград, 2002.
28. *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 4. М., 1960. С. 103.
29. *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 535. (*Прошлое и настоящее*).
30. Мнение французов о Фридрихе III // Московские ведомости. 1888. 10 марта (№ 69). С. 5. *Б. п.*
31. Московские ведомости. 1886. 12 дек. (№ 343). С. 2.
32. Московские ведомости. 1886. 18 июля (№ 197). С. 2.
33. Московские ведомости. 1887. 2 дек. (№ 332). С. 3.
34. Московские ведомости. 1887. 20 ноября (№ 326). С. 4.
35. Московские ведомости. 1887. 22 янв. (№ 22). С. 5.
36. Московские ведомости. 1887. 29 ноября (№ 329). С. 3.

37. Московские ведомости. 1887. 8 марта (№ 66). С. 2.
38. Московские ведомости. 1887. 8 авг. (№ 216). С. 3.
39. Московские ведомости. 1888. 11 сент. (№ 252). С. 4.
40. Московские ведомости. 1888. 12 января (№ 12). С. 4.
41. Московские ведомости. 1888. 16 апреля (№ 106). С. 3.
42. Московские ведомости. 1888. 18 июня (№ 167). С. 3.
43. Московские ведомости. 1888. 27 июля (№ 206). С. 5.
44. Московские ведомости. 1888. 28 авг. (№ 238) С. 5.
45. Московские ведомости. 1888. 6 дек. (№ 337). С. 3.
46. *Н. Щ.* Буланжизм, страна и палата // Московские ведомости. 1888. 27 марта (№ 86). С. 4.
47. Незабвенные могилы. Российское зарубежье: некрологи. 1917–1997. В 6 т. / Сост. А. В. Чувакова. М., 1999. Том первый (А–В). С. 548–549 (биографическая справка и библиография некрологов в периодике «русского зарубежья»).
48. Новое время. 1886. 23 июня (4 августа) (№ 3712). С. 2.
49. Новое время. 1886. 3 (15) августа (№ 3745). С. 2.
50. Новое литературное обозрение. № 21 (1996). С. 184, 189.
51. О современной борьбе черногорцев с турками и о бедственном положении Черной Горы: Речь, произнесенная г. Веселитским-Божидаровичем в заседании С.-Петербургского отдела Славянского Комитета 14 ноября 1876 г. СПб., 1876. С. 7.
52. «Обнимаю Вас и матерински благословляю...»: Переписка Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал с Александрой Васильевной Гольштейн // Новый мир. 1997. № 6.
53. ОР РГБ. Ф. 109.45.4. Л. 15 об.
54. Переписка Д. С. Мережковского с Вяч. И. Ивановым / Публ. Н. А. Богомолова и М. Цимборской-Лободы // Studia Rossica. VII. W kraju i na obczyźnie. Literatura rosyjska XX wieku. Warszawa, 1999. S. 81.
55. Письмо Г. С. Веселитского-Божидаровича А. С. Суворину (1909 г.) // РГАЛИ. Ф. 459. Д. 678. Л. 244.
56. *Погорелый Ю. А.* Информационное агентство: стиль оперативных сообщений. [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text19/018.htm>

57. Публичное чтение Г. С. Веселитского-Божидаровича о положении славянских семейств в Боснии и Герцеговине, бежавших по случаю восстания. Изд. С.-Петербургского отдела Славянского Благотворительного комитета. СПб., 1876. С. 7.
58. РГБ. Ф. 109. К. 1. Ед. хр. 28.
59. РГБ. Ф. 109. 18. 14. Л. 35 об.
60. Речь Бисмарка в Рейхстаге // Московские ведомости. 1887. 3 янв. (№ 3). С. 3–4.
61. Речь князя Бисмарка в Рейхстаге // Московские ведомости. 1888. 30 янв. (№ 30). С. 5.
62. РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгерова). Оп. 7. № 819. Л. 5.
63. *Розанов В. В.* Суворин и Катков // Колокол. 1916. 11 марта. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/suworin_a_s/text_0020.shtml
64. *С-евъ.* Берлин, 2 (14) июня. *От нашего корреспондента.* Отставка Путткамера // Московские ведомости. 1888. 8 июня (№ 157). С. 4.
65. *С-евъ.* Берлин, 26 (14) июля. *От нашего корреспондента.* Открытие Рейхстага — Толки о тронной речи — Орган канцлера против «Пештского Ллойда» и доктора Мекензи // Московские ведомости. 1888. 18 июня (№ 167). С. 3.
66. *С-евъ.* Берлин, 28 февраля (11 марта). *От нашего корреспондента.* Вильгельм I и Фридрих III // Московские ведомости. 1888. 6 марта (№ 66). С. 3.
67. *С-евъ.* Берлин, 29 августа (10 сентября). *От нашего корреспондента.* Фауст и Елена — Где Буланже? — Равновесие на Средиземном море — Новые расходы на флот — Фридрих III // Московские ведомости. 1888. 4 сент. (№ 245). С. 4.
68. *С-евъ.* Берлин, 3 сентября (22 августа). *От нашего корреспондента.* Седанские празднества — Театры — Ферейны — Клаузиус — Юбилей Иеринга — Гарнак // Московские ведомости. 1888. 28 авг. (№ 238) С. 5.
69. *С-евъ.* Берлин, 5 декабря (23 ноября). *От нашего корреспондента.* Страхование рабочих — Граф Вальдерзее и князь Бисмарк — Дело Геффкена // Московские ведомости. 1888. 30 нояб. (№ 332). С. 4.

70. *С-евъ*. Берлин, 14 (2) июля. *От нашего корреспондента*. Сербский кризис // Московские ведомости. 1988. 9 июля. (№ 188). С. 2.
71. *Смирнов А. Е.* Агенты Министерства финансов Российской империи за границей: С. С. Татищев в Лондоне. Специальность 07.00.00, 07.00.02 — Отечественная история. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2003.
72. *Смолин М. Б.* Великий страж Империи // *Катков М. Н.* Имперское слово. М., 2002. С. 39–41.
73. *Титаренко С.* Искусство как теургия (неопубликованная поэма-послание Вячеслава Иванова «*Argis Mystica*») // Символ. (Париж; Москва). № 53–54 (2008). С. 23–37.
74. Фридрих III // Энциклопедический словарь. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1902. Т. 72. С. 776. Подп.: *В. В-въ*.
75. *Х. Х.* Из Берлина. 27 (15) декабря. Скандальные крики и слухи — Травля официозной печати на Россию — Противоречие ее поведения с заявлениями Германского правительства — Генерал Бронзар у графа Шувалова — Отставка Чёрчила и призрак англо-франко-русского союза // Московские ведомости. 1886. 23 дек. (№ 354). С. 4.
76. *Х. Х.* Из Берлина. 14 (2) февраля // Московские ведомости. 1887. 8 февр. (№ 39). С. 5.
77. *Х. Х.* Из Берлина. 27 (15) февраля. Социал-экономическая политика князя Бисмарка — Современный кризис — Успехи Германии в торговой конкуренции с Англией и Францией // Московские ведомости. 1886. 22 февр. (№ 53). С. 3.
78. *Шор О.* Введение // Иванов В. И. Собрание сочинений. Том 1. Брюссель, 1971. С. 10–11.

С-евъ [Вячеслав Иванович Иванов]

ПЕРВЫЕ ДНИ ПО КОНЧИНЕ ФРИДРИХА III (От нашего корреспондента)

Берлин, 17 (5) июня.

Весть о смерти императора Фридриха мало изменила внешний вид Берлина. Некоторое напряжение чувствовалось уже в последние дни. Беспокойно прислушивались к беседам, которые велись в случайно стеснившихся группах людей, крикам газетных продавцов, объявлявших о получении свежих известий о здоровье императора. Ждали с часу на час услышать о его кончине. Но только около полудня в пятницу штандарты на шпицах дворцов опустились. Медленно начали вывешиваться флаги с траурным флёром и некоторые здания — немногие — декорироваться в траур.

Сравнивая все это с картиной Берлина в первые дни по смерти императора Вильгельма, всякий получал впечатления резкого контраста. Конечно, главная причина этого лежала в том, что столица покинута высокими особами и катастрофа совершилась вдали от нее; вокруг пустых дворцов с плотно завешенными окнами не собиралась толпа, подобная той, которая в марте стояла под дождем с раннего утра до поздней ночи, напряженно следя за малейшим движением внутри и около императорского дворца.

Но чувство, которое охватило на этот раз берлинское население, было, на мой взгляд, глубже и искреннее. Конечно, говоря это, я не имею в виду той значительной части общества, которая

не думала скрывать своего равнодушия при известии о кончине императора Фридриха. Но масса была неподдельно тронута. Впечатление, произведенное долгими и тяжелыми страданиями покойного, свежо во всех. Многих привязала к нему и деятельность его короткого царствования. Свержение Путткамера,* стоившее покойному такой борьбы в столь тяжелые, предсмертные дни, намеренье смягчить суровость применения исключительных законов исполнили многих горячею благодарностью к страдальцу-императору. Вследствие неприятной, на наш взгляд, особенности здешних обычаев, деловая и учебная жизнь города почти не была прервана совершившейся катастрофой, но всюду обычный ход дел был нарушен выражением искренней скорби. С кафедр вспоминали о любви императора к науке и искусству, о его горячем участии в жизни университетов.

Вчера, в 4 часа пополудни произошло вскрытие трупа. Оно было решено не тотчас и имеет свою историю. Императрица Виктория воспротивилась вскрытию. Ее нежелание было согласно с волей покойного, который не хотел, чтобы тело его было вскрыто по смерти, дабы не возбуждать споров среди врачей и общества о болезни и способах ее лечения. Однако побужденный государственным министерством новый император Вильгельм II отдал приказ совершить анатомическое исследование. Оно продолжалось полтора часа в присутствии всех пользовавших больного врачей. Было констатировано, что император страдал раком, но смерть произошла непосредственно от паралича легких (Lungen-lähmung). Вскрытие могло быть произведено только отчасти, вследствие быстрого разложения тела.

Ожидают скорого начала полемики, с которою намерен выступить доктор Бергман для защиты высказанных им ранее взглядов на болезнь и систему лечения императора. Таким образом, по-видимому, вновь начинается распря, уже давно выразившаяся с крайней резкостью. Ныне воцарившийся император всегда высказывал себя горячим сторонником Бергмана. В то самое время, когда последний только что был устранен от лечения, а Вирхов

был принимаем императором в Шарлоттенбургском дворце, Бергман был почтен приглашением к обеденному столу кронпринца, ныне императора Вильгельма.**

По окончании вскрытия тело императора, положенное в свинцовый гроб, который позднее должен быть вставлен в роскошный дубовый, было выставлено в так называемой Ясписной галерее замка Фридрихскрон.*** В галерею вступаешь из Раковинной залы, стены которой, в виде грота, прихотливо выложены разнообразными, пестрыми и блестящими раковинами, минералами и сталактитами и снабжены небольшими бассейнами с бьющими в них струями воды. Галерея представляет собой продолговатую четырехугольную залу, с одной стороны которой тянется ряд полукруглых, достигающих пола окон, выходящих в парк, с другой — соответствующий ряд мраморных ниш. Теперь все окна, кроме одного, равно как и расположенные напротив ниши, завешены драпировками из черного сукна. У одной из узких стен залы на черном возвышении, резко отделяющемся от светло-зеленого мраморного пола, воздвигнут алтарь, на котором лежит Библия и стоит серебряная кропильная чаша. Над алтарем раскинут черный бархатный балдахин, поддерживаемый утвержденным на стене вызолоченным стержнем. Пред алтарем, под покровом того же балдахина, возвышается гроб императора.

Император лежит, закутанный в темно-красный плащ, из-под которого виднеется только рукоятка шпаги и белая повязка на шее, обвитая лентами главных орденов. На эфесе скрещены руки монарха. Выше лежит старый венок с потемневшими листьями и побледневшими цветами, тот самый, который императрица Виктория прислала своему супругу после битвы при Вёрте.**** Ноги монарха покрыты пурпурным штандартом, который спадает складками к подножию гроба и покрыт положенными у гроба цветами и венками. Из этих приношений особенно остановила мое внимание японская ваза, наполненная лиловыми розами. Над гробом склоняются три камышовые ветви, поднимающиеся из корзины с цветами — дар трех дочерей почившего монарха. Пред алтарем и вокруг

гроба горят обвитые флером свечи в хрустальных канделябрах. С одной стороны стоят на страже лейб-гвардейцы, с другой унтер-офицеры учебного батальона. Почетная стража из генералов и камергеров будет выставлена только завтра, в день погребения.

С большим нетерпением ожидают появления манифеста нового императора. Рассказывают, что главная мысль предстоящего манифеста заключается в том, что начинающееся царствование будет избегать вечной международной вражды и заботиться о сохранении мира на почве существующих договоров.

Но еще более приковывают внимание два уже обнародованные новым императором государственные акта, в высшей степени важные и характеристичные. Это приказы, обращенные к армии и флоту. В первом из них император Вильгельм II с особенною силой указывает на то, что его первое слово обращается к армии. О ней говорит он с особенным чувством: «Я и армия, мы принадлежим друг другу, мы рождены друг для друга, и наша связь остается всегда неразрывной, будет ли, по воле Божьей, мир или буря». Чем одушевленнее говорит о войске император Вильгельм, тем резче бросается в глаза его контраст в этом отношении с императором Фридрихом, который по своем вступлении на престол совсем не издал особого приказа для армии. Он, издавая общий манифест ко всему народу, говорил в нем вместе и к армии, как к неразрывной с целым части народа. Напротив, у Вильгельма II характеристично делаемое им противоположение армии народу. Вероятно, поэтому приказ этот и вызвал такое восторженное ликование в германских военных людях. Замечено, что тон приказов вообще отличается некоторой холодностью, за исключением мест, говорящих об отношениях императора к войску. Замечено также, что приказ по флоту сопровождается личным повелением, обращенным к шефу адмиралтейства, немедленно привести к присяге служащих во флоте офицеров, врачей и солдат: эту особенность иные объясняют тем, что император питает будто бы далеко не столь большое доверие к флоту, как к армии. Наконец, замечено и то заявление нового императора, что ему «предстоит некогда отдать отчет перед своими предками в славе и чести войска».

Московские ведомости. 1888. 9 июня (№ 158). С. 4.

Примечания

* *Путткамер* Роберт-Виктор (Puttkamer, 1828–1900) — прусский политический деятель, в 1881–1887 гг. министр внутренних дел; родственник Бисмарка по жене и одна из ключевых фигур в его правительстве. Его отставка в мае 1887 г. стала главным (и единственным) шагом Фридриха III на пути к задуманной императором либерализации Германии. В предшествующей статье *С-ева* дан яркий политический портрет Путткамера и созданной им системы жесткого полицейского надзора: «Curriculum vitae Путткамера и вся его деятельность не отличаются сложностью и обилием внешних событий: он действовал непрерывным рядом мелких и мало заметных, но всегда обращенных к одной цели усилий.

Теперь ему 60 лет от роду. В 1860 году он начал свою административную карьеру в качестве ландрата. Во время войны 1866 года был назначен гражданским комиссаром Моравии и Богемии. В семидесятых годах занимал места правительственного префекта в городе Гумбиннен, окружного префекта в Меце и некоторое время обер-президента Силезии. В 1879 году он вместо г. Фалька занял пост министра вероисповеданий, а через два года, после отставки Эйленбурга, принял портфель внутренних дел; вскоре он получил вместе с тем назначение на место вице-президента прусского государственного министерства. <...> Его направление всегда было направлением партии староконсервативной. <...> Но характеристично для деятельности Путткамера было не направление, которому он следовал, а дозволенные и недозволенные средства, которые он употреблял, чтобы путем искусственного давления на народ служить своей политике. <...> Прежде всего, получила крайнее развитие полицейская власть; в особенности была усилена тайная полиция, которая во время правления Путткамера выродилась в формы, противные законности и существу самого учреждения. <...> Далее, сложный административный аппарат, раскинутый сетью по стране, доставлял средства влиять на избрание народных представителей в угодном правительству смысле. <...> Все эти меры сделали для Путткамера возможность достижения того, к чему он стремился. Население было напугано. <...> Возникло типическое явление, которое немцы окрестили *Streberthum* и которое находит легкий доступ и в среду прусской молодежи; оно заключается в полном отсутствии самостоятельности и в поддакивании всему, на чьей стороне в данную минуту находится

перевес) (*С-евъ*. Берлин, 2 (14) июня. *От нашего корреспондента*. Отставка Путткамера // Московские ведомости. 1888. 8 июня (№ 157). С. 4).

** Вокруг болезни Фридриха III в момент его вступления на престол развилась сложная «медицинская интрига», т. к. заинтересованные в коронации проанглийские политические круги, возглавляемые императрицей Викторией (1840–1901, дочь царствующей тогда королевы Великобритании), оказывали давление на врачей, принуждая их внушать больному мысль о доброкачественном характере его недуга и возможном исцелении. Сам Фридрих склонялся к тому, чтобы ввиду своей немощи отречься от престола в пользу кронпринца Вильгельма. О необходимости этого писали «официозы» Бисмарка. Откликаясь на борьбу политических сил вокруг больного императора, *С-евъ* писал: «...Это — бессовестная и преступная агитация, направленная против него, <ведущаяся> на правительственные суммы и по указаниям из правительственных сфер. <...> В связи с последним явлением возвращение в Берлин знаменитого медика, этнографа и парламентского вождя Вирхова имеет чрезвычайное значение. Ему приписывают раскрытие перед императором направленной против него агитации и злоупотреблений властью со стороны лиц, стоящих у кормила правления» (*С-евъ*. Берлин, 21 мая (2 июня). *От нашего корреспондента*. Антидинастическая агитация // Московские ведомости. 1888. 27 мая (№ 145). С. 3).

*** Своей резиденцией в Потсдаме Фридрих III избрал Новый дворец в парке Сан-Суси, построенный по указу Фридриха Великого в 1763–1769 гг. для официальных приемов и вплоть до 1888 г. никогда не использовавшийся как жилое помещение. Фридрих III приказал впредь именовать Новый дворец *Фридрихскроном* (Schloß Friedrichskron), окружить его рвом и благоустроить под жилье. Императорской резиденцией Фридрихскрон оставался и при Вильгельме II.

**** Император Фридрих III, будучи кронпринцем, сыграл выдающуюся роль как во время австро-прусской войны 1866 г., командуя 2-й армией, так и во время франко-прусской войны 1870–1871 гг., командуя прусскими и южно-германскими войсками. 6 августа 1870 г. у города *Вёрт* на реке Зауэр его части под командованием генерала Леонарда фон Блюменталя (1810–1900) экспромтом прорвали укрепленную оборону французской армии маршала П. Мак-Магона, обеспечив стратегический перевес в наступлении главным силам Пруссии.

С-евъ [Вячеслав Иванович Иванов]

ПОХОРОНЫ ИМПЕРАТОРА ФРИДРИХА
(От нашего корреспондента)

Берлин, 6 (18) июня.

Сам почивший император, давая перед смертью распоряжение о том, где и как должно быть предано земле его тело, выразил желание, чтобы погребение его было совершено с возможной простотой. Отказываясь от пышности похорон, императрица решила к тому же, — вероятно вследствие причин, связанных с состоянием тела, — ускорить погребение. Здешнему, особенно простому, населению, как я заметил, не понравилось ни то, ни другое, равно как неприятна была и невозможность проводить прощальным взглядом гроб императора: похоронное шествие должно было произойти в довольно отдаленном от столицы Потсдаме, притом на пространстве, защищенном от наплыва народных масс как стенами дворцового парка, так и непроницаемыми шпалерами полиции и войска. Так как избегалась всякая пышность, к иностранным дворам, по достоверным слухам, было обращено приглашение отменить присылку официальных депутатов.

Однако вид совершавшегося сегодня погребения не производил ожидаемого впечатления большой простоты или недостатка торжественности. Число людей, участвовавших в церемониале, было очень велико. Хотя от других государств ждали только немногих представителей, однако съезд тридцати пяти особ царской крови

и пяти заместителей их составили блестящее собрание; притом на торжество явились многие делегации от иностранных полков. Прибавьте к этому, что ненастье последних дней сменилось на время, пока происходило погребение, теплою и солнечною погодой, и что торжество чрезвычайно выигрывало в красоте благодаря тому, что совершалось среди тенистых аллей и ярко-зеленых газонов Потсдама.

В продолжение всего воскресенья Яшмовая <так!> зала в замке Фридрихскрон была наполнена народом, который приходил, чтобы в последний раз поклониться праху императора Фридриха. Десятки и сотни тысяч народа прибыли для этого из Берлина, откуда поезда не успевали привозить пассажиров, и служили лучшим доказательством той любви, которою пользовался почивший монарх у народа.

В шесть часов вечера гроб был закрыт в присутствии императора Вильгельма, принца Гейнриха, министра двора, обергофмаршала князя Радолина и генерал-адъютантов. Тело монарха положено в гроб в военной шинели, с орденами и венком из завядших цветов, подарком императрицы Виктории. Закрытый цинковый гроб был поставлен в парадный гроб, обшитый малиновым бархатом, с золотою бахромой и грифами. Гроб во всем подобен гробу, в котором был положен император Вильгельм, и напоминает гроб, в котором опущен был в могилу двести лет тому назад Великий Курфюрст.* На гроб монарха были положены регалии, служащие эмблемой царственных обязанностей почившего монарха. Впереди лежал золотой шлем с черно-белыми перьями, который говорил, что король первый и высший рыцарь страны, и что он должен относиться к своим обязанностям по-рыцарски. Кроме шлема на гробу лежали шпага, пояс, лента Черного Орла,** фельдмаршальский жезл, золотые рыцарские шпоры и перчатки. От гроба спускалась к полу малиновая, украшенная золотыми коронами и Черными Орлами и отороченная горностаем порфира. На золотых, закрытых крепом табуретах были поставлены государственные регалии, весь гроб окружен лавровыми деревьями.

Сегодня, в понедельник 18 июня, около половины десятого начался звон колоколов со всех церквей. Долго продолжался он, пока расставлялись по пути траурного шествия шпалеры войска и черные ряды представителей различных учреждений с их пестрыми знаменами. Громадное стечение народа все росло. Трибуны, выстроенные для публики, сплошь покрывались ею. Не оставались пустыми и иные крыши даже на монументальных постройках.

День этот был для пруссаков днем победы, так как 18 июня праздновалась годовщина победы при Фербеллине над шведами*** и при Ватерлоо над Наполеоном.**** В этот самый день Пруссия хоронила своего славного вождя, который водил германские войска к победам.

Вместе с первым ударом колокола Яшмовая зала, окна и стены которой были завешаны черным сукном, стала наполняться придворными чинами и генералитетом. У изголовья стоял за государственным знаменем генерал-фельдмаршал Блументаль, бывший шефом штаба погибшего монарха в австрийскую и французскую компании, рядом с ним стали генерал-адъютанты Микше и Винтерфельд, последние начальники штаба четвертой армейской инспекции в бытность инспектором императора Фридриха. За государственными регалиями стояли министры.

В это время, когда зала наполнилась государственными сановниками, членами Рейхстага и ландтага, от крыльца дворца по направлению к Борнштедту катилась закрытая карета. В этой карете ехала императрица Виктория с принцессами Викторией, Софьей и Маргаритой в Борнштедтскую церковь, где должна была состояться заупокойная обедня, которую по приглашению императрицы должен был служить берлинский супер-интендант Дриандер в церкви, в которой так часто молился покойный император. На официальном отпевании императрица не пожелала присутствовать.*****

Ровно в десять часов открылись двери, и состоялся выход двора. Император Вильгельм II был в богато вышитом золотом генеральском мундире. Когда высочайшие особы заняли свои места,

придворный проповедник обер-пастор Кёгель произнес краткое слово и закончил его молитвой. После прощания с покойным императором и молитвы о том, чтобы Всевышний послал мир и силы перенести утрату «императрице-вдове, которая тридцать лет делила все радости и горе с мужем, императрице-матери, потерявшей мужа и сына, и великой герцогине Баденской, которая лишилась в продолжение трех месяцев отца, брата и сына»,^{6*} обер-пастор Кёгель благословил бранные останки почившего монарха.

Гроб был поднят полковниками тех полков, шефом которых состоял император Фридрих, и снесен по лестнице на дворцовую площадку. Здесь стояла погребальная колесница, запряженная восьмью лошадьми, покрытыми черными бархатными покрывалами. Покров, положенный на гроб, был также черного бархата с серебряными орлами по краям. Балдахин был серебряный с вышитыми по нему черными орлами. Балдахин этот, который по старому прусскому церемониалу употребляется только при похоронах короля, несли двенадцать генерал-майоров. Лошадей вели под уздцы восемь штаб-офицеров. Тотчас за гробом вели лошадь императора, красивого рыжего жеребца.

Только в одиннадцать часов тронулись войска, открывавшие шествие. Они представляли стройное и блестящее зрелище. Это был цвет войска, самые красивые люди и самые лучшие лошади. Все почти блестящие части формы были окутаны черным крепом, флером были обвиты и несомые войсками знамена. Они проезжали и проходили медленно, под звуки траурного марша и серьезных гимнов.

За войсками следовало духовенство: оно должно было предупредить погребальную колесницу, чтобы встретить ее на ступенях церкви. В обществе обращают большое внимание на тот факт, что ко всем торжествам, соединенным с погребением императора Фридриха, здешнее соборное духовенство приглашается в полном составе, по-видимому, только для того, чтобы иметь возможность пригласить в числе прочих и пресловутого пастора Штёккера.^{7*}

За чиновниками, служащими при дворе, шли члены министерства, держащие королевские инсигнии, и генерал Блюменталь,

несший с генералами Винтерфельдом и Мишке королевский штандарт. Далее шли четыре сановника, занимающие сохранившиеся доселе средневековые должности обершенка^{8*} егермейстера, трухзесса^{9*} и маршала.^{10*} Наконец, медленно двигалась траурная колесница, запряженная восемью лошадьми, с гробом, убранном множеством венков и цветочных украшений. Колесница была окружена идущими в церемониальном порядке блестящими офицерами. Концы покрывала поддерживали четыре кавалера Черного Орла.

За гробом шел император Вильгельм со средоточенным <так!> выражением лица, об руку с королем саксонским.^{11*} Позади него шли прочие члены королевской семьи, Великий Князь Владимир Александрович^{12*} и члены других царственных и владетельных домов.

Далее следовали члены посольств и генералитет, между прочим, и старый Мольтке,^{13*} которому болезнь воспрепятствовала участие в погребальном торжестве по смерти императора Вильгельма I; сегодня он шел пешком во время шествия, хотя это и стоило ему видимых усилий. Войска замыкали процессию.

По пути печального шествия были устроены в разных местах декоративные украшения. Некоторые здания были закутаны в черные ткани. Газовые фонари были зажжены, но горели под черным флёром. На черных постаментах, связанные друг с другом длинными зелеными гирляндами, были воздвигнуты пылающие жертвенники. Там, где процессия повернула в аллею, ведущую прямо ко входу в церковь, она прошла под небольшой аркою с простой надписью: «Покойся в мире, император Фридрих!»

Ровно в полдень гроб внесли во Friedenskirche,^{14*} и через пятнадцать минут пушечный залп возвестил находящимся вне церкви, что священник призвал на покойника благословение Божие и погребение этим заключено. Гроб императора оставлен пока в церкви, но скоро будет опущен в склеп под церковною ризницей и впоследствии перенесен в новое сооружение, которое, как говорят, будет пристроено к храму. Friedenskirche — романская базилика, мраморная внутри и выдающаяся строгими и чистыми формами.

Говорят, что одним из выражений предсмертной воли императора Фридриха было то, чтобы над его телом не была произнесена обычная похоронная речь, поэтому богослужение было совершено без проповеди.

Те, кто утверждали, что манифест нового императора будет объявлен тотчас за погребением, оказались правы. Пополудни он был расклеен на углах улиц. Зато те, кто приписывали этому манифесту уверение в старании охранять мир и избегать распрей на почве существующих договоров — были не совсем правы. Император упоминает об этом пока короткою фразою, что он «будет ограждать (schirmen) мир». Манифест не содержит определенных политических указаний. Может быть, заявление об охране договоров оставлено императором для других, имеющих быть изданными государственных актов.

Уже давно носились слухи, будто анархисты, руководимые живущими в Англии вождями, составили какие-то замыслы, направленные против тогдашнего кронпринца Вильгельма. Полиция была поставлена на ноги и деятельно старалась открыть эти замыслы. Сегодня распространили новый слух, что во время погребального торжества было совершено покушение на жизнь молодого монарха. Слух этот, однако, совершенно неверен.^{15*} Быть может, в связи со всеми этими слухами находится тот факт, что вчера никто был не пропускаем в парк замка Сан-Суси, где происходила процессия; между тем, внутрь замка Фридрихскрон был открыт свободный доступ.

Московские ведомости. 1888. 10 июня (№ 159). С. 2–3.

Примечания

* Имеется в виду основоположник прусского абсолютизма Фридрих-Вильгельм (Friedric Wilhelm, 1620–1688), курфюрст Бранденбургский с 1640 г., т. н. *Великий Курфюрст, из династии Гогенцоллернов*; при нем с Бранденбургом было окончательно соединены герцогство Пруссия и ряд других земель.

** Высший орден Пруссии.

*** Битва при *Фербеллине*, в которой войска Великого Курфюрстера одержали победу над шведами и изгнали их из Бранденбурга, состоялась 18 (28) июня 1675 г. Это было завершением длительного процесса присоединения герцогства Пруссии (тогда вассала Швеции) к Бранденбургу.

**** В битве при Ватерлоо (18 июня 1815 г.) против Наполеона I выступали объединенные англо-голландские войска герцога Веллингтона и прусские войска под командованием фельдмаршала Г.-Л. Блюхера.

***** Ср.: «Берлинцы и пруссаки вообще чрезвычайно скорбят о личных отношениях, установившихся, к несчастью, между членами императорской семьи. Императрица Виктория и кронпринц Вильгельм представляют как бы два противоположных полюса, между которыми в разном расстоянии находятся все остальные. Так, три незамужние принцессы в живости негодования на поступки брата почти не уступают императрице. Принцесса Саксен-Майнингентская, старшая их сестра, напротив, приближается к кронпринцу и старается согласить его с сестрами и матерью. Младший сын, принц Гейнрих, не в дурных отношениях с братом, но ближе к матери, которая при каждом случае выказывает ему предпочтение. Портрет принца Гейнриха — единственный на письменном столе императора и повсюду в покоях императрицы» (*С-евъ*. Берлин, 18 (30) марта. *От нашего корреспондента*. Приезд императора в Берлин — Больная династия — Император и кронпринц — Усиливающееся влияние князя Бисмарка — Военные реформы — Иностранная политика императора // Московские ведомости. 1888. 26 марта (№ 85). С. 3).

⁶* Т. е. императрице Виктории, вдовствующей императрице *Августе* (1811–1890), вдове Вильгельма I и матери почившего Фридриха III, и его сестре *Луизе* (1838–1923), с 1856 г. — герцогине *Баденской*.

⁷* Имеется в виду лидер прусских ультра-националистов, одиозный как при дворе, так и в правительственных кругах, однако пользовавшийся расположением у кронпринца Вильгельма, вступившего на престол после кончины Фридриха III.

⁸* Придворный чин, изначально ответственный за королевские или княжеские винные погреба и застольный набор вин, в XIX в. — почетное придворное звание.

⁹* Придворный чин, изначально ответственный за королевский или княжеский стол и продовольствие, в XIX в. — почетное придворное звание.

^{10*} Изначально (от старонем. *marahscalc* — конюх) — придворный чин, ответственный за королевские или княжеские конюшни.

^{11*} Имеется в виду король Альберт (*Albert von Sachsen*, 1828–1902), вступивший на дрезденский престол 29 октября 1873 г.; до того Альберт находился на прусской военной службе, в начале франко-прусской войны его саксонский корпус входил в состав армии кронпринца Фридриха.

^{12*} Великий князь *Владимир Александрович* (1847–1909), третий сын Александра II, был сенатором, членом Государственного совета и генералом от инфантерии. С 1884 г. занимал пост Главнокомандующего войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, а также являлся президентом Петербургской Академии художеств.

^{13*} *Мольтке* Хельмут Карл Бернхард фон (Moltke, 1800–1891) — германский генерал-фельдмаршал, выдающийся военный теоретик и стратег, организатор побед прусской армии над австрийскими и французскими войсками, один из основателей Германской империи. В 1855 г. он начинал карьеру военачальника в качестве первого адъютанта Фридриха III, тогда кронпринца.

^{14*} *Friedenskirche* — «церковь мира» (нем.); лютеранская церковь в потсдамском дворцовом парке Сан-Суси, расположенная около главного входа в парк, в саду Марли. Построена в 1845–1848 гг. по проекту придворного архитектора Л. Персиуса. Под ее алтарем находится королевская усыпальница Гогенцоллернов, освященная в 1864 г., после чего в нее был перенесен прах скончавшегося в 1861 г. прусского короля Фридриха-Вильгельма IV; здесь же в 1873 г. была погребена его супруга Елизавета-Людовика. К зданию церкви был пристроен мавзолей Фридриха III, где некоторое время в саркофаге работы Л. Бегаса покоился прах императора и умершей в 1901 г. Виктории Великобританской, а также их детей Сигизмунда и Вольдемара.

^{15*} В следующей статье *С-ева* уточнялось: «В сообщенных мною слухах о преступных умыслах против Вильгельма II содержится, как я узнал, много правды. Еще до смерти императора Фридриха было получено предостережение против замышляемого покушения. В день похорон в парке была найдена бумага, содержащая непристойные угрозы» (*С-евъ*. Берлин, 8 (20) мая. *От нашего корреспондента*. Придворные партии // Московские ведомости. 1888. 12 июня (№ 161). С. 3).

С-евъ [Вячеслав Иванович Иванов]

БЕРЛИНСКИЕ ПИСЬМА

Берлин, 26 (14) ноября.

Упадок немецкой литературы — Новое направление литературы и его образчики — «Научность» в изящной литературе — Стихотворные альманахи — Любовь к музыке у Берлинцев — Todtenfest

Немецкая изящная литература переживает печальную эпоху застоя и упадка. Развитие, все ушедшее на внешнее усиление, оставило дух народа лишенным жизненного содержания. Идеал опережает действительность и служит ее путеводителем; Германия достигла того, что так долго было идеалом ее граждан, и, переместясь из области будущего в мир действительности, идеал потерял свою плодотворную силу. Он стал для большинства только отражением и оправданием существующего, зеркалом, в которое человек с охотой взглянет раз, но которое не будет бесцельно и бесплодно держать постоянно перед собой. Так поникло значение идеала, и нельзя не признать, что вина его упадка должна быть возложена только на него же. Он не был ни достаточно широк, чтобы долго служить руководящей силой в движении вперед, ни довольно глубоко, чтоб из него самого можно было черпать новые идеальные задачи. А помимо него остались рассеянные элементы материалистического мирозерцания, не поддающиеся объединению

в примиряющем синтезе. Все цельное в духовной деятельности раздробилось, специализируясь, все живое разложилось на мертвые части; остался факт, разобщенный от связи со всеми остальными бесчисленными фактами, и на нем требуется успокоиться человеческому духу.

Бессодержательность и ничтожность творческой деятельности должны были сделаться необходимыми последствиями этого развития. Литература только с большей выпуклостью отразила это общее явление. Поневоле она сделалась или скучным повторением старых сентиментальных мотивов, или робким и смягченным подражанием чужим образцам. Неудовлетворенному читателю осталось только прибегнуть к богатым запасам других литератур. Взгляните на последние статистические отчеты здешних народных библиотек: наибольшая часть требуемых книг принадлежит области иностранной беллетристики. Но читатели народных библиотек — люди преимущественно низших общественных слоев; представители слоев высших, более космополитических в образе мысли, несомненно, еще более зачитываются иностранными произведениями. Золя, Ибсен, Толстой, Достоевский, Тургенев призваны удовлетворить умственную жажду страны, ранее поившей другие народы из своих прежде богатых, теперь иссякших источников.

Впрочем, если бы познание недуга всегда было первым шагом к его исцелению, можно было бы возлагать надежды на будущее восстановление немецкой литературы. Ее настоящего печального состояния не думают скрывать сами немцы, всегда столь мало откровенные, когда речь идет о темных сторонах их жизни. Более того: раздались некоторые одинокие голоса, которые просто поставили вопрос: «Есть ли у нас еще какая-нибудь литература?» — и столь же прямо ответили на него решительным «нет».

Я имею в виду вышедшую с этим заглавием брошюру одного молодого, но подающего надежды критика, г. Берга.* Любопытно бросить взгляд на некоторые места этой книги, где автор бичует современное состояние германской духовной жизни.

В писателях Германия отнюдь не имеет недостатка. Литературный календарь дает 16 тысяч их имен. Среди них несколько имен представляются окруженными ореолом прежней славы; но это имена немногих стариков, большей частью переживших свою писательскую деятельность, не оставив учеников и продолжателей. Они не влияют на общий характер литературы, которая (смягчая выражение Берга) сделалась «филистерскою» и «развращенною». Критик спрашивает с грустною искренностью: «Неужели настал уже вечер германского народа?» Требование талантов, однако, сравнительно высшее требование; критик утверждает, что если бы он желал означить одним словом, чего недостает немецкой литературе, он сказал бы: «достоинства». В беллетристике он находит только погоню за сенсацией, радость при виде скандала. Чем менее возникает новых мыслей, тем более повторяются и пережевываются мысли старые и чужие. Выходит значительное число книг, состоящих из одних только цитат. Понижению нравственного уровня литературы могущественно содействует периодическая печать, с ее бесконечною ложью, с ее свойством быть «бесхарактерным оружием в руках сильного». Критик восклицает: «Благодаря доброму содействию нашей печати, мы ушли далеко назад на поприще культуры».

Столь резкое отрицание редко уживается без некоторого положительного содержания, которое представляется отрицающему единственным исцелением раскрываемой им болезни. Это справедливо и относительно нескольких современных критиков отрицательного направления, к числу которых принадлежит и г. Берг. Дело вот в чем.

В последнее время в Берлине появилась группа молодых людей, которые одушевились мыслью восстановить упавшую изящную словесность, создав в ней новое направление. Эта группа, как и подобает новаторам, более всего бросается в глаза своим пылким темпераментом. Члены ее горячатся и кричат. В них есть молодой пыл и присущая молодости иллюзия сил, могущих сдвинуть горы. В них есть и тяжелая энергия, и шероховатая мужественность

тевтонов. Все это придает произведениям группы общий внешний характер. «Das jüngste Deutschland»** последних дней отличается признаками, которые позволяют тотчас же узнать ее. Зато, когда ее узнают, представители и приверженцы «des jungen Deutschlând», Гуцкова и Фрейтага,*** грустно и скептически покачивают головами.

Собственно говоря, новое направление не вносит никакого положительного содержания. Это еще недостаточно выяснившаяся смесь «натурализма» со стремлением стоять на почве строгой науки и с явным тяготением к литературным образцам, данным Генрихом Ибсеном. Характеристичным отличием произведений молодой группы являются их резкость, намеренная грубость, неестественная густота темных тонов, пристрастие к отталкивающим изображениям, неумеренная крикливость и общий мрачный колорит пессимистического мирозерцания. Задатки ложно направленного таланта скрываются под оболочкой грубости, в которой с трудом проглядывает непосредственная искренность и свежая сила физически здоровой молодости. Вот образец.

Наряду с критиками, как Берг и Евгений Вольф,**** новое направление представляется поэтами, из которых наиболее талантливым может считаться Гарт. Это — автор «*Песни Человечества*», мировой поэмы в 24 книгах in spe; из них читающей публике подарены доселе только две.***** Читатель видит, как универсальные замыслы новаторов, начинающих с пересмотра всей истории человечества и представления полного resumé его прошлых судеб и будущего назначения. Читатель видит также, что новый пророк человечества приступает к своей миссии с научною документальностью, излагая ab ovo, в исторической последовательности, свой катехизис современной философии. Неудивительно, что ему потребовалось для этого 24 книги. Но поэма далеко не окончена, и теперешнее человечество находится еще в неизвестности относительно своих судеб. Оно поняло пока, при помощи г. Гарта, только то, чем было оно некогда. Будучи реалистом, поэт хочет наглядно показать дикость первобытных нравов, и вот он прибегает к таким

описаниям: «С волосами, в беспорядке растрепанными вокруг лица, он воткнул меч в живот, разорвал крикуну горло, утолял свою жажду, прихлебывая его кровь, и кричал, плюя на него и топая ногами по валяющемуся трупу: “Так поступлено с тобою, так поступлено будет со всеми вами!”»; или: «Они с шумом кричали; их губы так дико подергивались судорогами, как будто они выплевывали свои слова»; или: «Коршун кричит: кто падаль, тот остерегайся!»; или: «Bin im Pelze ich die <M>aus seid ihr wie faules Aas?»^{6*} и т. д.

«Научность» творчества уже сравнительно давно представляется обессиленной литературе единственным источником спасения. Таков Иордан.^{7*} Он приобрел известность как переводчик Гудруны и Нибелунгов на современный немецкий язык. Потом он стал писать драмы и, наконец, романы, в которых старается исследовать исторические и естественнонаучные вопросы. Так, в одном из последних романов он задается вопросом об относительном философском достоинстве различных вероучений и обнаруживает детальное знакомство с историей религий. Со времени отцов французского натурализма вошло в обычай щеголять в беллетристике эрудицией. Но нельзя сказать, чтобы вся эта погоня за научностью принесла или обещала принести пользу германскому искусству. Нет надежды, чтобы какой бы то ни было внешний лозунг или даже новая рационалистическая теория могли возместить общий недостаток идеального содержания, без чего едва ли мыслимо поднятие литературы и развитие находящихся в зародыше талантов.

Между тем, в частности, поэзия составляет здесь, как кажется, народную потребность в большей степени, нежели в других странах. Немецкая поэзия удивительно выработала свои формы; немецкий язык делает ей легко доступными гибкость стиха и звучность и разнообразие рифмы. Немцы любят стихи и требуют их в большом количестве. Одно повседневное хоровое пение на определенные мелодии на собраниях и празднествах различных обществ вызывает необходимость постоянно нового сочинительства, обуславливает существование периодического альманаха со

стихотворениями для общего пения на различные случаи и создает ремесло наемных рифмачей, предлагающих свои услуги в газетных объявлениях. Но чем более пишется стихов, тем ниже падает поэзия. Новые стихотворные сборники, наполняющие теперь рожественский рынок, дают монотонное повторение все тех же избитых мотивов.

И все же стихотворные сборники наиболее раскупаются. Особенно здешние дамы чувствуют слабость к сентиментальным произведениям этого рода, носящим название цветка или мечтательно-прочувственное заглавие вроде «Für Herz und Gemüth».^{8*} С этими сборниками конкурируют «библиотеки классиков» (сочинения Гете, Шиллера, а также Ленау,^{9*} Кернера^{10*} и др.), в состав которых в последнее время неожиданно вошли жизнеописание Фридриха III и описание африканских колоний.

Но несравненно более расходятся в низких классах населения так называемые «Shauergomane» — романы ужасов. Дома обходят разнообразные посланцы, предлагающие купить или оставить для просмотра десятипфеннинговые, плохо отпечатанные выпуски этих произведений, снабженные изображением наиболее завлекательных приключений преследуемой судьбой прекрасной и аристократичной героини. На самом интересном месте изложение, конечно, прерывается с полуслова, и продолжение рассказа окупается только взносом новых десяти пфеннингов. Обыкновенно простодушный читатель много раз повторяет эти взносы, дабы проследить по порядку все превратности изображаемой судьбы, которая, впрочем, заведомо должна привести героиню к счастливому браку, уже нарисованному на первой странице первого выпуска. Эта предусмотрительная откровенность издателя, с одной стороны, избавляет читателя от излишних волнений, а с другой — служит перед ним необходимым ручательством, что долгое издание выпусков романа будет все-таки приведено к концу.

Если литература отказывается давать народу здоровую пищу для духовной деятельности, музыка, насколько зависит от нее, старается восполнить этот недостаток. Берлин может поставить себе

в заслугу многочисленность, серьезность и — главное — доступность своих концертов. Они даются непрерывно. Singakademie, королевская Оперная Капелла, Conserthaus, Philharmonie ежедневно доставляют богатый материал хорошей музыки при наименьших ценах, позволяющих за марку или даже дешевле слушать оркестр под управлением Бюлова или игру Иоахима.^{11*} Я не упоминаю о концертах, менее разборчивых в выборе исполняемых пьес.

Каждое из названных учреждений имеет свои особенности. Так, концерт Singakademie и симфонические вечера Капеллы отличаются некоторою торжественностью. Первые, кроме игры и пения отдельных солистов, дают преимущественно оратории, исполняемые различными музыкальными ферейнами. Вторые, проходя время от времени в Оперном театре, также выбирают, обыкновенно, строгую программу, но вместе знакомят публику с выдающимися новостями искусства. Это единственный путь на подмостки Оперы для начинающего композитора. Казенная здешняя сцена обыкновенно игнорирует новые оперы, написанные по смерти Рихарда Вагнера. Подобно легендарным афинянам, думавшим, что после Кодра нет мужа, достойного быть царем и потому отменившим монархию,^{12*} дирекция убеждена, что дальше искусство не пойдет, да и не должно идти. При почти языческом поклонении своему герою, усиленном мыслью о национальном значении Вагнера, это мнение кажется здешнему музыкальному миру только естественным. Но в публике заметны признаки иного настроения: по крайней мере, филармонические концерты, посвященные исключительно Вагнеру, привлекают умеренное число посетителей; напротив, на «Бетховенских вечерах» залы бывают полны.

Philharmonie — наиболее популярное музыкальное учреждение. Публика чувствует себя в нем особенно свободно и привольно, но это не вредит его художественному достоинству. По крайней мере, исполнители не находят обидною ту демократическую свободу, которая, как профанация, с непривычки неприятно поражает наши чувства. Громадный зал заставлен столами, на

которых непрерывным рядом поднимаются пивные стаканы, кое-где виднеются бутылки и тарелки. Слушатели, в одиночку или семьями, преудобно располагаются вокруг столов. Представьте себя на месте несчастного исполнителя, претендующего на внимание жующей и запивающей аудитории! Но и права исполнителя заботливо ограждены: кельнерам запрещено прислуживать во время музыкальных нумеров. Нужно свыкнуться со нравами, чтобы глядеть на это примирительнее. Должно достигнуть такого состояния, чтобы не шокироваться и видом пожилых и не пожилых дам, усиленно занятых ручной работой при звуках классической симфонии. Только постепенно переселяясь во внутреннюю жизнь этих дам, вы поймете, что для них совсем не дисгармонирует с этими звуками стук их неутомимых спиц. Напротив, вы заметите, что они слушают с полным вниманием и сочувствием, и что между их психическими волнениями и движением спиц есть таинственная, но реальная связь: спицы — хороший показатель их эстетических эмоций. На месте, захватывающем свою трагичностью, они двигаются прерывисто и энергетически: видно, как душа берлинской дамы борется с овладевающим ею состраданием; во время легких *allegro* спицы радостно рвутся определить темпом быструю палочку дирижера.

В подобной же обстановке происходили в прошлые сезоны четверговые «общественные» концерты *Concerthaus'a*, назначенные для взаимных свиданий средней публики. Их программа отличалась приличной легкостью; было разрешено беседовать и заказывать порции во время самых эффектных музыкальных моментов. Это была любезность знакомого петербуржца дирижера Бильзе,^{13*} рассчитанная на признательность со стороны берлинских буржуа и вполне ее заслужившая. Вечера получили специальный характер, будучи утилизированы для целей, несомненно, связанных с вопросом общего благосостояния. Это были «*Heirathsabende*»^{14*} — вечера, проникнутые поэзией юности, встреч и роковых первых знакомств между берлинскими девицами и докторами философии, адвокатами, офицерами (не в форме), купцами, вообще

«Junggesellen»,^{15*} которые решили, что им пора вступить в фазу семейного филистерства, уменьшая, сообразно с этим, число голов, посвященных «кнейпе»^{16*} и, быть может, уже приняли соответствующие меры при помощи газетных объявлений для отыскания подходящих невест с подходящими условиями.

Новый сезон ознаменовался концертными реформами. Залы отделаны заново, оплата несколько возвышена и четверговые концерты утратили прежний характер. В числе этих нововведений заслуживает быть упомянуто постановление большого электрического органа в *Philharmonie*. Такой же орган устроен в *Singakademie*. Клавиатуры и педали в виде пианино устроены вблизи дирижера, облегчая, таким образом, дело органиста, и соединены электрическими проводами с самим органом, занимающим место в глубине эстрады. Органы всем нравятся и привлекают много слушателей. Они значительно увеличивают благозвучность пьес и производимое ими впечатление и оказывают особенно важные услуги при исполнении ораторий.

В воскресенье, 24 (12) числа в концертах были исполнены торжественно-грустные пьесы. Нигде не было танцев. Праздновался «*Todtenfest*» — день поминовения усопших. При малочисленности протестантских праздников, при простоте протестантского культа немногие дни, подобные этому, проводятся с возможно заметной торжественностью. Характерно, что и этот день не связан с религиозными воспоминаниями: изо дня памяти павших в 1813 и 1815 годах воинов^{17*} он постепенно сделался днем общих поминок. В этом году празднование было соединено с упоминанием двух умерших императоров; поэтому оно приняло особенно широкие размеры. Церкви были переполнены народом; явление исключительное в Берлине, где церкви, сравнительно немногочисленные, вообще мало посещаются, и где считается естественным, чтобы бóльшая часть публики, наполняющей собор, прослушав красивый хорал перед началом богослужения, вышла из церкви прежде, чем были произнесены его первые слова. В каждой церкви богослужение было, как всегда, совершенно различно;

также различны были и проповеди, сообразно с политическими и религиозными воззрениями проповедника и прихода. На улицах встречались толпы народа со свежими цветочными, чаще же зелеными лавровыми венками; они шли на здешние кладбища, чтобы сложить венки на могилы и простоять несколько минут в тихой молитве.

Московские ведомости. 1888. 20 нояб. (№ 322). С. 3–4.

Примечания

* *Берг* Людвиг (Berg, 1862–1908) — немецкий историк литературы, критик и новеллист; автор книги «Haben wir überhaupt eine Litteratur», изданной в Лейпциге в 1888 г.; основные работы Берга посвящены Ибсену и Ницше.

** «Юннейшая Германия» (*нем.*). Имеется в виду «Jüngstdeutschen» — молодежное литературное движение в Германии начала 1880-х гг., направленное против рутины и пошлости в национальной литературе. Во главе его стояли поэты и литературные критики братья Гарт (Hart) Генрих (1855–1906) и Юлиус (1859–1930), создавшие «Фридрихсгагенский кружок» (названный так по месту их жительства близ Берлина). Членами этого кружка были Г. Гауптман и А. Гольц.

*** *Гуцков* Карл (Gutzkow, 1811–1878) — писатель, драматург, общественный деятель, глава «Молодой Германии» («Junges Deutschland»), литературного движения 1830–40-х гг. *Фрейтаг* Густав (Freitag, 1816–1895) — поэт, драматург, романист, видный представитель германской «реалистической школы».

**** *Вольф* Эжен (Wolf, 1863–1919) — историк литературы и критик, автор одного из манифестов немецкого натурализма («Die jüngste deutsche Literatur-stromung und das Prinzip der Moderne», 1888).

***** Имеется в виду Г. Гарт и его эпопея «Liedder Menschheit» (1887), которая, в итоге, включила в себя три самостоятельные части («Туль и Нагила», «Нимрод» и «Моисей»).

⁶ «Как мышка в мехе я, / а вы, гнилая падаль?» (*нем.*)

^{7*} *Йордан* Карл Фридрих Вильгельм (Jordan; 1819–1904) — немецкий писатель, драматург, поэт и переводчик «Старшей Эдды», Гомера и Софокла; большой популярностью пользовалась его поэма «*Песнь о Нибелунгах*», написанная по мотивам средневекового германского эпоса. *Гудрун* — героиня песен «Старшей Эдды», жена Сигурда, прообраз Кримхильды в «*Нибелунгах*».

^{8*} «Для сердца и покоя» (*нем.*).

^{9*} *Ленау* Николаус (Lenaу, наст. имя Николаус Франц Нимбш Эдлер фон Штреленау, 1802–1850) — австрийский поэт-романтик.

^{10*} *Кернер* Теодор (Kerner, 1791–1813) — немецкий поэт и драматург, автор патриотических стихов, погибший в войне коалиции с Наполеоном; национальный герой Пруссии.

^{11*} *Singakademie* (Певческая академия) — берлинское хоровое общество, основанное в 1790 г.; в XIX в. имело постоянный зал для выступлений при Академии музыки в Берлине (отсюда название). В 1880-е гг. директором Академии был скрипач и композитор *Йозев Иоахим* (Joachim, 1831–1907). *Королевская Капелла* (Königliche Kapelle) была создана в XVI в. как Курфюрстская придворная капелла, с XVIII в. служила в качестве оркестра при постановке опер, а также обладала собственным хором, сначала любительским, состоящим из учеников берлинских гимназий, а затем профессиональным. *Conserthaus* (Концертный зал) — театрально-концертный зал в центре Берлина (открыт в 1821 г.), построенный на месте сгоревшего Национального театра. *Philharmonie* — берлинский филармонический оркестр, основанный в 1862 г., которым дирижировали *Ганс Гвидо фон Бюлов* (Bülow, 1830–1894), Артур Никиш, а в XX веке — Герберт фон Караян; один из самых известных музыкальных коллективов Европы.

^{12*} *Кодр* (Κόδρος) — полубогатый царь Аттики (1089–1068 до Р. Х.), упоминаемый у Геродота, Павсания, Платона. По преданию, узнав от оракула о том, что победа жителей Аттики над дорийцами состоится только в случае гибели царя, пожертвовал собой, спровоцировав дорийского воина. После этого войско пелопоннесцев ушло из Аттики, а подданные Кодра, восхищенные его подвигом, решили больше не иметь царей, но — пожизненных архонтов, первым из которых стал сын Кодра Медонт. Так было положено начало демократии в Афинах.

^{13*} *Бильзе* Иоганн Эрнст Беньямин (Bilse; 1816–1902) — немецкий скрипач, дирижер и композитор. В 1867–1882 г. Бильзе руководил собственным оркестром в Берлине. После скандального разрыва с музыкантами (из-за финансовых противоречий) он, набрав новую труппу, уехал с ними на длительные гастроли в Санкт-Петербург, с огромным успехом выступал в Павловском вокзале, исполняя вальсы, марши и другую легкую музыку.

^{14*} Буквально: «вечера помолвок» (*нем.*); имеются в виду массовые «вечера знакомств».

^{15*} Здесь: «холостяками» (*нем.*).

^{16*} *Кнеipe* (*нем.*) — пивная, кабаk, паб.

^{17*} Имеется в виду т. н. Освободительная война, выделяемая германской историографией как самостоятельная военная кампания германских государств в общем контексте боевых действий Шестой коалиции против наполеоновской Франции в 1813 г. и (после «Ста дней») — в 1815 г. Главная роль в Освободительной войне принадлежала Пруссии. Воззвание прусского короля Фридриха-Вильгельма III «К моему народу» с призывом к войне с Наполеоном, опубликованное 17 марта 1813 г. в Бреслау, вызвало огромный резонанс, население Пруссии добровольно объединилось в отряды ландвера и ландштурма и вступало на оккупированных территориях в партизанскую войну с французами. Прусские войска сыграли значительную роль в поражении Наполеона под Лейпцигом в октябре 1813 г., а затем — под Ватерлоо в июне 1815 г. В память об Освободительной войне в Берлине была создана Площадь героев. В бисмарковской Германии история Освободительной войны занимала одно из важнейших мест в идеологическом обосновании закономерности гегемонии Пруссии в германском мире.

С-евъ [Вячеслав Иванович Иванов]

БЕРЛИНСКИЕ ПИСЬМА

Берлин, 31 (19) декабря

Берлинцы уже справили первые дни Святков. Это — самый веселый и торжественный праздник немецкого года. Немцы гордятся своими рождественскими обычаями, своими елками, которые они считают германскими по преимуществу. Но елка — поэтический символ здешних праздников, вся в снегу и в инее, но вместе в молодой и свежей зелени, принесенная из засыпанного сугробами леса, — ныне более на своем месте на русских Святках. Нужно иметь слишком сильную фантазию, чтобы восстановить очарование зимнего святочного дерева — здесь, в заурядный год, подобный нынешнему, когда нигде еще нет ни снежинки, зато в праздники лил нескончаемый дождь в осенние лужи. Рупрехт — «Weihnachtsmann»,* седой и добродушный святочный гений, доживший до нас из глубины немецкого Средневековья, все еще с раскрасневшимся от мороза лицом и в фантастическом башлыке, занесенном снегом, кажется, сам сознает себя печальным анахронизмом и исполняет свою роль раздавателя рождественских подарков только по обязанности.

Старожилы жалуются на постепенное ослабление того шума и оживления, которые приносил с собою этот старик. Обыватели прежнего Берлина, которые так любят вспоминать прежнее расположение и границы города, ставшие неузнаваемыми в семидесятых

годах, повествуют, что и Рождественская ярмарка не ограничивалась, как в нынешнем году, Лустгартеном, но завладевала и прилегающими улицами. Какой шум стоял на ней, нельзя и вообразить в нашу дрессированную полицией эпоху, когда даже ночные прогулки в «Сильвестров вечер», накануне Нового Года, стали довольно безопасны, конечно, под условием — не иметь на голове цилиндра, почти неминуемо привлекающего удары прохожих гуляк. Впрочем, как нельзя жаловаться, что эти современные переживания Сильвестрова карнавала недостаточно характеристичны, так нельзя было утверждать, по крайней мере, в этом году, что всё нивелирующая современность разрушила простодушные ярмарки прежних лет. И в этом году прохожий еще был оглушаем адским шипением «лесных чертей», кваканьем искусно сделанных лягушек, зазыванием продавцов и продавщиц, похожих на русских баб и сидящих в палатках, наполненных блестящим скарбом, игрушками, пряниками; точно перенесен сюда кусочек Московского рынка в день народного гулянья.

Однако Берлин хочет быть современным и чопорным во что бы то ни стало. Все, что нарушает монотонность и прямолинейность новейшего времени, ему претит. Он [шокируется]** всем провинциально-мещанским, стараясь скорее забыть свое недавнее скромное прошлое. И вот Рождественская ярмарка занесена в длинные списки тех старых остатков, которые Берлин неустанно приносит в жертву для своего возвеличивания и украшения. В будущем году ярмарки больше не будет.

Говорят, что она стала излишня. Соперничества магазинов ей не выдержат. Они успели заманить к себе покупателей, предлагая им колоссальный выбор удивительно дешевых и хорошо сделанных вещей. Рождественские запасы товаров бывают громадны, все живет до праздников их заготовлением, просиживает над ними, не разгибаясь, дни, не спит для них ночей. Праздники приносят работающему люду более продолжительное отдохновение; руководители индустрии сидят в эти недели над счетными книгами и с волнением подводят годовые итоги. Рождественский рынок —

могущественный рычаг творчества — во всех областях, начиная от сферы творчества в собственном смысле, до сферы тех скромных игрушечных изобретений, которые подарили на этот раз публику простыми и остроумными автоматическими рабочими, везущими тачки, и детскими швейными машинками, годными и не для одной игры. Серьезным конкурентом народной ярмарки явились и те отщепенцы из числа ее устроителей, которые, не довольствуясь мало комфортабельным помещением переносных будок, снимали незанятые магазины и торжественно располагали в широких окнах на несколько дней свой дешевый товар.

Но на площадях и на многих улицах Берлина ведется перед праздниками еще другой, не менее оживленный торг. Между обнаженными деревьями скверов и аллей воздвигаются по всему городу зеленые группы елей. Спрос на елки здесь гораздо больше, чем в России; почти в каждой христианской семье, как и в каждой церкви, зажигается разукрашенная елка в «святую рождественскую ночь». Горы Гарца и Тюрингии подвергаются в эту пору серьезным опустошениям, которые, однако, не вредят лесам, благодаря разумным способам лесной эксплуатации. В Берлине рождественские елки гораздо дешевле, чем в русских столицах, но новейший меркантилизм ознаменовал себя злоупотреблениями и в этой отрасли торговли: святочная елка зачастую оказывается сколоченною из нескольких коротких стволов, а ветки — взятыми с другого дерева.

По отзывам торговых людей, нынешний год принес им крупные прибыли. Испытанные горькими опытами купцы умеют ценить это благополучие и исполнены горячей благодарности — к официозным газетам. Они были на этот раз снисходительны к человечеству, и дали немецким обывателям, послушным детям, полное разрешение безмятежно праздновать и вволю тешиться взаимными подарками. Стоило им издать угрожающий звук, пустить в ход желчную тираду, завидеть приближение невидимых простому глазу туч — и праздничное настроение было бы разрушено, никому не было бы нужды закупать ненужных вещей, бюргеры

схватились бы опасливо за свой карман, помышляя о приближении черного дня. Но политические авгуры видели на небе только добрые знамения.

Всеобщий, ставший законом обычай рождественских подарков служит источником необычного торгового оживления столицы во время Святков. Кажется, не остается здесь человека, который бы не одарил в эту пору другого и не получил бы сам подарка. Дарения (Bescherungen) бывают удивительно разнообразны, от столь мещански-практических, что дивишься, как пришло в голову при праздничной обстановке озаботиться такими мелочными и прозаическими потребностями, до дарений комико-сатирического характера, осмеивающих человеческие слабости одаряемого лица.

Кроме дарений частных происходят и общественные — в важной обстановке, в школах, ферейнах, благотворительных учреждениях. Последние увеличивают на праздниках свои бюджеты. Уже денежные взносы, предназначенные служить искуплением от новогодних визитов, доставляют в их кассы некоторый обеспеченный, но притом с года на год возрастающий доход. Пышным цветом распускается на праздниках берлинская благотворительность, которая и вообще процветает, как это показывают муниципальные и ферейнские статуты. Нищих на улицах почти нет. Если вас просят о денежной помощи, то просят, большею частью, во время конфиденциального визита, часто, притом, предварительно отрекомендовавшись с помощью визитной карточки. Красующаяся на весьма многих дверях надпись: «Член общества уничтожения бедности» охраняет, впрочем, и от подобных посещений, так как имеет смысл: «застрахован от просьб о вспомоществовании». Правда, по уверениям юмористических журналов, был нищий, который, обратившись к одному такому члену и получив ответ: «ведь я член-благотворитель!» — возразил: «потому-то я и обратился к вам за вспомоществованием»; но наивная логика этого нищего, конечно, доказывает только превратное понимание им благ цивилизации.

Благотворительность процветает, и хорошо известный здесь общественный деятель в этой области, г-жа Лина Моргенштерн,

основательница «ферейна народных кухонь», продающих кушанья по умеренным ценам, провозносила и <в> нынешний год на общественных собраниях перед праздниками филантропические речи, о действии которых можно судить уже потому, что служанки, выслушав ее речь о солидарности интересов прислуги и хозяев, сопровождаемую раздачей медалей, почетных отзывов и денег прислуге, с честью прослужившей на одном месте не менее пяти лет, изменяют свой нрав из сварливого и легкомысленного в покорный и серьезный, как уверяли меня здешние матроны.

На этот раз в пору святочных подарков не был обижен и город Берлин. Незадолго до праздников было окончательно решено, к торжеству берлинцев и немалому огорчению мюнхенцев, что граф Шак*** переносит свою резиденцию из Мюнхена сюда и вместе с ним переселяется и его превосходная картинная галерея, двери которой бывают гостеприимно открыты для публики. Это — богатое собрание картин новых германских художников, из которых особенно много места отведено Дженелли, Фейербаху, Ленбаху и Бёклину, талантам, непризнанным их современниками.**** Граф Шак — меценат чистого типа, богатый, великодушный и настолько смелый, чтобы противопоставить свое веское и независимое суждение всеобщему приговору. Время оправдало его выбор; поддержанные и спасенные им таланты блестяще развились и отвоевали общественное признание.

Обычным признаком праздничного времени повсюду служит наводнение почты письмами и посылками. Берлинская почта, образцово устроенная, не страшится этих дней испытания. Немцы относятся к своим почтовым учреждениям с уверенным самодовольством. Почтовые учреждения знают это и хотят удержаться на высоте своей репутации путем непрекращающихся улучшений. Они не перестают зорко присматриваться к тому, чего от них желают. Недавно в почтовый ящик брошено письмо, адрес которого

состоит, после обычного Herrn, из иероглифических изображений коня, леса, зверя — и более ничего. Почтамтские чиновники тотчас принимаются за решение ребуса и, успешно достигнув результата: «Освальд Нир», спешат без замедления доставить посылку известному и без адреса г. Нир, владельцу магазинов «настоящих французских вин», энергически развивающему дело берлинской рекламы, которая и без того имеет уже почетную историю. Случай этот, конечно, вызывает всеобщее удовольствие; газеты сообщают его, г. Нир радуется, что лишний раз привлек внимание на свои вина, почтмейстер с самодовольной улыбкой раскланивается перед заинтересованною публикой.

Недавно почта выпустила статистический отчет о своей деятельности за 1887 год. Он представляет несколько любопытных данных. Оказывается, что персонал служащих на почте состоял из 88 606 человек; ежедневно почта пользовалась 5549 поездами железных дорог. Общее число посылок равнялось 2079 миллионов, в предшествующем году — 1921 млн, на долю писем приходится 812 милл<ионов>. Увеличение числа писем сравнительно с предыдущим годом выражается 5 процентами; увеличение числа почтовых карт (открытых писем) — 6 проц<ентов>. В продолжение года было послано по почте денежными посылками более 17 000 000 000 марок; из этого числа 3662 миллиона — посредством «Postanweisungen». Последний род денежных посылок состоит в том, что отправитель выплачивает посылаемую сумму денег в ближайшем почтамте, означая ее на открытом письме, отправляемом к адресату; последний, получая открытое письмо, получает от почтальона и соответствующую денежную сумму. Число телеграмм увеличилось в сравнении с 1886 годом на 6½ % и достигло около 20 милл<ионов>; средняя длина телеграмм также увеличилась в сравнении с прежним. Но телеграфное дело развивалось бы, несомненно, еще сильнее, если бы с ним не конкурировал быстро распространяющийся телефон. Тогда как в 1886 году лиц, беседовавших посредством телефона, было 17 милл<ионов>, в 1887 году их было уже немногим менее 23 милл<ионов>, так что увеличение равняется

30 проц<ентам>, а число разговоров посредством телефона поднялось с 65 милл<ионов> до 96½ милл<ионов>. Общий итог доходов возрос почти до 190 милл<ионов> марок.

Нельзя не быть благодарным немецкой почте за много доставляемых ею удобств, которые представляются тем более ценными, что их не везде находишь. Так, число почтовых отделений очень велико; разбросанные по всему городу, они всегда бывают вблизи от вашего дома. Тогда как денежные письма выдаются в России только в почтамте, а заграничные и более крупные, притом — только в главном почтамте, и вдобавок выдаче предшествует сложная процедура удостоверения личности в полиции, здесь денежные письма приносятся на дом, хотя отдаются только в руки адресата, обыкновенно и без легитимизации достаточно известного для представителей почты. При отправлении же денежных посылок означенная на конверте сумма не проверяется, но рассматривается только как сумма, в которую отправитель желает застраховать свое письмо, почему и обязательные пять печатей налагает не почта, а отправитель на дому. О каких-либо пропажах или злоупотреблениях, происходящих от этих упрощений, ничего не слышно. Письма вынимаются из ящиков весьма часто, около почтовых отделений — каждую четверть часа, на вокзалах — перед отходом каждого поезда; для скорейшего доставления городских писем существует так называемая *Rohrpost*; к открытым письмам присоединяются по желанию оплаченные бланки для ответа и т. п.

Но все в мире лучше всего совершенствуется посредством соревнования. Императорская почта имеет в Берлине соперника и серьезного конкурента в некоторых областях. *Neue Berliner Omnibus — und Packetfahrt — Actien — Gesellschaft* существует уже 4½ года и имеет в настоящее время довольно значительные размеры. Это частное учреждение дает работу 800 служащим и расходует до 800 000 марок в год, чистой же прибыли имеет теперь от 5 до 6 процентов.

Рассмотреть его интересно во многих отношениях. Самое помещение его характерно и указывает на свойственную, кажется,

одним немцам особенность — умение уместить столь многое на столь небольшом пространстве, так же успешно сохраняя порядок и стройность целого, как мало заботясь о показной его внешности. Глядя на этот муравейник, так хорошо свидетельствующий об организационном и административном таланте немцев, замечаешь, что все в нем целесообразно, все делается свободно и не мешая одно другому, все устроено с чрезвычайной простотою и с наибольшею утилизацией всякой куда-либо годной силы.

Учреждение состоит из трех ветвей: отделений для писем, для посылок и для городских омнибусов.

Почта для писем исключительно городская. Берлин разделен на девять участков, с апреля к ним присоединяется десятый; в каждом участке имеется особое бюро. Четыре раза в день письма из особых почтовых ящиков, принадлежащих обществу, собираются в соответствующее бюро; здесь они сортируются и, если адресат находится в том же участке, немедленно пересылаются к нему; остальные письма отвозятся в центральное бюро, откуда немедленно передаются в соответственные участки. В городе существует более 1000 мест, в которых находятся ящики общества и продаются его марки; эти места отмечены красными вывесками; обыкновенно это магазины, особенно магазины сигар, наиболее посещаемые публикой. Почтовое отделение вообще организовано по образцу казенной почты, но плата за письма ниже, чем на последней. Открытое письмо стоит два пфеннинга, тогда как казенное — 5; марки, равно как письма без конвертов, заклеиваемые пустою стороною наружу и при чтении разрываемые по пунктиру, стоят 3 пф., тогда как на казенной почте — 5. Есть и заказные письма, обеспечиваемые 10 марками со стороны общества. Ежедневно общество пересылает от 60 до 90 тысяч писем, что составляет около 2 миллионов в месяц; впрочем, число это выражает не действительную сумму посылок (которая больше), но число двухпфеннинговых посылок, дающих тот же сбор.

Отличия этой частной почты от почты казенной не ограничиваются сравнительною дешевизной пересылки, но состоят также

в той характерной особенности, что общество входит в частное соглашение с отправителями и изменяет свои условия согласно с этими сделками. Поэтому в случае больших заказов тариф понижается. Общество берет на себя сборы денег, например сборы денежных взносов членов какого-нибудь ферейна, обязуясь комитету ферейна представить полностью общую сумму. Общество берет на себя рассылку писем, объявлений, прейс-курантов <так!> и т. п. без означения адресата или с общим адресом, как «булочникам такого-то квартала» или «господам владельцам экипажей» и т. п. Почтальоны общества знакомы каждый со своим участком и знают, кто в каком доме и в какой квартире заинтересуется содержанием данного объявления. Некоторые объявления разносятся во все квартиры. Иногда для адресования каких-либо циркуляров общество пользуется сборниками адресов — чиновников, студентов и т. д.

Какие льготы доставляет отправителям частная почта, можно видеть, например, из того, что она безденежно предлагает торговым фирмам, которые пользуются ее услугами, конверты с напечатанным названием фирмы; что она не пропускает, не утилизирует для своих целей и такого случая, как праздник Нового Года, когда берлинцы рассылают друг другу поздравительные карточки, рисунки, карикатуры; общество печатает самые разнообразные карты с картинками, уже снабженные маркой, и продает за незначительную цену.

Особенно сильно конкурирует общество с казенною почтой в деле городской пересылки вещей. Число городских посылок на государственной почте ныне совсем незначительно: от двух до трех сотен в день. Все предпочитают пользоваться для этой цели не светло-желтыми казенными каретами, но оранжево-красными каретами общества, которое и в этом отношении стремится доставить всевозможные удобства отправителю. Так, небольшая добавочная плата избавляет от труда доставлять посылку в пункт, отмеченный красной вывеской; ее берут из квартиры. Из магазинов, ежедневно отправляющих вещи, последние отбираются безвозмездно. Общество не требует, чтобы посылки запаковывались, что

освобождает отправителя от многих хлопот и издержек. Поэтому в сараях общества в ожидании ближайшей кареты нагромождаются всевозможные и часто неожиданные предметы: столы и диваны, клетки с канарейками и с собаками, убитая дичь и пр. Недавно было поручено переслать розу в стакане с водой, и поручение было исполнено со всею исправностью.

Посылки принимаются во многих местах — обыкновенно магазинах, и этим устраняется необходимость содержать лишних чиновников. Приказчики магазинов взвешивают посылку и продают марку соответствующей весу цены. Они делают это охотно, быть может, находя возможность при взвешивании кое-чем поживиться. Число посылок ежедневно достигает от 6 до 8 тысяч.

Общество посылает вещи и вне Берлина. В Германии есть 60 городов, которые состоят с ним для этого в связи. В них находятся агенты общества, которые принимают с вокзала посланные под обыкновенным товарным билетом вещи и доставляют их по адресу. Особенно оживленны сношения с Лейпцигом, куда общество посылает ежедневно два собственных товарные вагона. Загородные посылки прибывают на место назначения уже утром на другой день по их отправлении. Наконец, общество имеет для этой цели сношения и с некоторыми иностранными государствами, как Дания, Швеция и Норвегия, Великобритания, Соединенные Штаты.

Особенную отрасль представляет пересылка дорожного багажа. На каждом вокзале есть бюро общества; проезжающий по железной дороге передает находящиеся с ним вещи чиновнику бюро и он тотчас пересылает их по адресу за 20–30 феннингов. Тот же дорожный багаж доставляется по требованию и с квартиры на вокзал. Это удобство могут оценить вполне по достоинству горожане, живущие летом вне города, и странствующие комми магазинов.

Третье отделение общества имеет предметом городское сообщение посредством омнибусов. Город концессировал ему пять линий. Цены мест в омнибусах равняются, приблизительно, цене мест на конножелезных дорогах; но омнибусы ходят по тем улицам, где нет конножелезных дорог. С каждой станции они отходят

в промежутки от 8 до 11 минут. Конюшни общества представляют также замечательность по поместительности и удобству. Они вмещают 600 лошадей, из которых в главном депо стоят 120. Конюшни устроены в двух этажах. В верхний ведут широкие и отлогие помосты. И здесь общество проявляет свойственную ему гибкость: оно принимает и случайные поручения, как перевозку товаров при перемене помещения складов, магазинов и т. п.

Оглядывая всю эту разностороннюю деятельность, или даже просто живя в Берлине, нельзя не признать пользы, приносимой всеми этими многочисленными услугами здешнему обывателю.

Во время Рождественского праздника, «праздника любви», как любят выражаться сами христианские немцы, общественное мнение занимает вопрос о дуэлях, на который большая часть здешнего общества никак не может взглянуть по-христиански. Одно печальное событие преимущественно заставило поднять этот вопрос.

Здешнее студенчество, по-видимому, столь мало доступное всем течениям, могущим поколебать его вековые предрассудки, здешнее студенчество, имеющее гибельную страсть и еще более гибельную возможность политиканить, лишилось одного из своих членов, напав убитого пистолетным выстрелом другого студента. Убитый был еврей. Его раздраженная речь, направленная в студенческом комитете против антисемитской агитации,***** руководимой противною партией, сделалась причиной кровавой дуэли. Кажется, что молодость была смущена развязкой. Убитого торжественно хоронили; за гробом шли многочисленные депутации студентов. Ректор призвал членов комитета, указал на свое право распустить общества, в которых происходят дуэли на пистолетах, и взял с членов честное слово, что подобные случаи не повторятся. Печать вначале сдержанно отнеслась к событию; но полемика недолго заставила себя ждать. Характерно, но вместе удивительно рвение официозных газет, замолвивших слово в защиту поединков.

Если в западных обществах самостоятельность воззрений и жизни встречает вообще преграды, поставляемые более нивелированной массой, то эти преграды здесь тем более многочисленны в тесно ограниченных соединениях людей. Поэтому, в частности, предрассудки прусского офицерского корпуса едва ли искоренимы. Заговорив о дуэлях, газеты рассказывают случаи, что двое братьев, молодые графы, были исключены из армии за «чисто академическое» порицание поединков: их еретическое намеренье не драться, даже будучи вызванными, было донесено начальству, а начальство озаботилось предохранением от опасной случайности «лейтенантской» чести.

Недавно лейтенант вызвал на дуэль на пистолетах одного статского. Последний отклонил этот вызов и предложил драться на саблях. Офицер обозвал его трусом. Тогда статский, в свою очередь, вызвал офицера на поединок на пистолетах. Конец имел, однако, менее рыцарский характер: офицер с товарищами напал на противника и побил его. Лейтенанта приговорили к аресту в крепости на три месяца, но есть слух, что это наказание чрезвычайно смягчено. Печать, взявшая сторону обиженного, упоминает об указе Фридриха-Вильгельма III,^{6*} запрещавшего еще в 1798 году военным «брюскировать» (brüsqüiren) бюргеров под угрозой ареста, отставки и даже смертной казни. До сих пор этот указ сохраняет, по видимому, право существования.

Московские ведомости. 1888. 29 дек. (№ 360). С. 3–4.

Примечания

* «*Weihnachtsmann*» — «рождественский дед», персонаж немецкого святочного фольклора, изображавшийся в красной шубе с белым мехом, мешком с подарками и розгой; в рождественскую ночь он одаряет хороших детей и наказывает плохих. Американские переселенцы из Германии превратили его в Санта-Клауса.

** В первоисточнике, возможно, опечатка — «токируется».

*** *Шак* Адольф Фридрих фон, граф (*von Schack*, 1815–1894) — поэт, писатель, историк литературы и искусства, меценат, основатель картинной

«галереи Шака». Последняя, несмотря на то, что Шак завещал ее Вильгельму II (с чем и были связаны планы перемещения ее в Берлин), так и осталась в Мюнхене.

**** *Дженелли* Бонавентура (Genelli, 1798–1868) — живописец и график, один из лидеров германской классической школы, автор полотен на античные сюжеты (в том числе вошедших в собрание Шака — «Похищение Европы», «Вакх и Музы» и др.). *Фейербах* Ансельм (Feuerbach, 1829–1880) — живописец-«классик», племянник философа Л. Фейербаха, автор монументальных полотен на исторические темы и картин на идиллические и литературные сюжеты; последние («Паоло и Франческо», «Лаура в церкви» и др.) представляют его творчество в галерее Шака. *Ленбах* Франц фон (Lenbach, 1836–1904) — живописец-портретист, автор популярных портретов Бисмарка, Р. Вагнера, Т. Моммзена. *Бёклин* Арнольд (Böcklin, 1827–1901) — великий швейцарский живописец, график, скульптор, автор работ на мифологические сюжеты (в том числе, автор знаменитого «Острова мертвых», 1880), один из создателей символизма в европейском изобразительном искусстве; граф Шак был одним из первых поклонников Бёклина и оказывал ему существенную помощь в начале творческого пути.

***** См. в одной из новостных анонимных заметок «Московских ведомостей» 1888 г.: «Ненависть по отношению к семитам и озлобленность последних разгораятся все более ярким заревом в столице. Гуманность императора <Фридриха III> не сдерживает этого антагонизма, пожалуй, даже наоборот: все знают, что со вступлением на престол Вильгельма II, горячего ненавистника евреев, антисемитизм будет санкционирован официально. В Берлине, как бы в ожидании этой поры, образуются целые корпорации не покупающих в еврейских магазинах, не принимающих совета евреев-медиков, не посылающих детей своих в смешанные школы. Евреев предусмотрительно стараются отгеснить от всех административных должностей, затрудняют им доступ во всякие профессии. Одновременно возрастает и дерзость семитов. С каждым днем в Берлине увеличивается число учреждений с вывесками, составляющими как бы вызов общественному мнению: “еврейская аптека”, “еврейская библиотека”, “еврейская булочная” и т. п. Неусыпно и умело эксплуатируя поле торговли,

евреи за последние полвека стали в Германии финансовою силой, заставляющей серьезно считаться с собою и уже подавляющей многое германское. В настоящее время они владеют одною седьмою обще-германского состояния и капиталов; факт замечательной непропорциональности, в виду того, что на 45 миллионов германского населения приходится всего навсего 570 000 евреев» (Усиление антисемитизма // Московские ведомости. 1888. 31 мая (№ 149). С. 4. *Б. п.*). Об антисемитских настроениях в Берлинском университете см.: *Латто-Данилевский К.* набросок Вяч. Иванова «Евреи и русские» // Новое литературное обозрение. № 21 (1996). С. 183–184.

^{6*} *Фридрих-Вильгельм III* (Friedric Wilhelm, 1770–1840), прусский король с 1797 г., военный реформатор и глава Освободительной войны; остался в истории как просвещенный и гуманный правитель, стремившийся смягчить нравы подданных.

С-евъ

БЕРЛИНСКИЕ ПИСЬМА

Берлин, 26 (16) октября.

Самодовольство Михеля — Речь Бисмарка в ямбах — Бюджет в гекзаметрах — Бассейн в память посещения Рима — Увлечение Италией — Архитектурные затеи Фридриха III — Берлин растет и украшается — «Отельная горячка» — Выставки и съезды — Велосипедомания

Каково бы не было политическое значение поездок императора* для свидания с союзниками, они освежили в умах германского общества успокоительное представление, что отечество не одиноко, всё равно хороши или нет его союзники; что оно находится под заботливой опекой мудрого правительства, которое наверно не только не даст его кому-нибудь в обиду, но, совершенно напротив, само даже «увеличит свое внешнее влияние». Так думает простодушное большинство, с детской доверчивостью взирая на своего канцлера. Часть замечаемого в германцах самодовольства должно, несомненно, поставить на счет этой веры. Германия имеет и князя Бисмарка, и союзников, с которыми только что виделся император: а, следовательно, «я, Михель, боюсь Бога, а более ничего в мире!»

Удивительно понравилось здесь это восклицание, равно как и вся февральская речь князя Бисмарка, провозглашавшая и прославлявшая средне-европейский союз.** Ее превознесли не в одних политических этюдах, но и в одах, в гимнах, ноты которых распродавались в музыкальных магазинах, в гравюрах, изобразивших рассерженного канцлера в момент произнесения речи, с его «Reichsmarre»*** в руках и со стаканом воды на столе перед ним, тогда как фигуры на заднем плане представлялись занятыми приготовлением другого стакана с напитком, долженствующим смягчить если и не furor teutonicus,**** то, по крайней мере, гневное возбуждение оратора. Речь эта стала символом политической веры для теперешнего германца.

Но символ веры требует формы более удобной для того, чтобы навсегда врезаться в память верующего. Требовалось популяризировать февральскую речь с внешней стороны.

К счастью, ныне явился патриот, который блистательно разрешил эту задачу.

Чтоб удовлетворить потребности общества, он выбрал момент, когда она чувствовалась особенно живо. В то время как император виделся с союзниками и в ушах германцев невольно звучали заключительные слова речи, этот патриот подарил обществу всю речь князя Бисмарка — в стихах и, притом, с обстоятельным стихотворным предисловием и комментарием; он не решился исказить ритмом только классических слов: «Wir, Deutsche, furchten Gott, aber sonst nichts in der Welt!»*****

Всякий, кто помнит эту речь, кто знает, как говорит канцлер вообще, легко представит, как grotesque выглядит это переложение бисмарковской прозы, тяжелой и веской, лишенной искры фантазии, но приправленной меткою, простою, грубоватою иронией, в «ласкающие размеры» ямбов, как комически чудовищен этот карнавальная маскарад. Поэт-патриот не замечает ничего подобного и с редким трудолюбием втискивает канцелярски-газетные обороты речи в тесные рамки стихотворного монолога, усиленно обрывая окончания слов и выпуская мешающие делу гласные:

D'rum meinte ich am End'des schwier'gen Werks:
Der höchste russ'sche Orden in Brillanten
Wär'mir gewiss wenn ich ihm nicht schon hätte;
Kurz, Russland ist's das heute uns verschuldet.^{6*}

Если бы можно было измерить степень интенсивности патриотизма по числу стихотворных строк, вмещающих патриотическое содержание, то должно было бы признать, что в настоящее время он особенно силен.

Вчера депутация от города Берлина поднесла императору дарственную грамоту на фонтан, сооруженный в воспоминание его поездок к союзникам: большая часть текста этой грамоты составлена в ямбическом ритме! Все это дает возможность надеяться на осуществление высказанной одною газетой мысли, что если речи князя Бисмарка перелаживаются на ямбы, то бюджет на будущий год мог бы быть представлен, по крайней мере, в звучных гекзаметрах.

Патриотическая депутация поднесла императору свой дар, когда он только что возвращался с освящения храма Святого Креста, — новой, стройной, увенчанной куполом церкви на юге города. Кроме патриотизма, берлинцев одушевляет и ревностное желание украшать свою столицу памятниками искусств. Бассейн, подаренный Вильгельму II, с его мифологическими фигурами, будет вылит из бронзы и принадлежит известному ваятелю Бегасу.^{7*} Он украсит собой длинную Замоктовую площадь, которая тянется вдоль здания замка со стороны, противоположной Лустгартену. Уже давно было предложено поставить этот фонтан на одной из площадей Берлина или в Потсдаме; Фридрих III интересовался его судьбой; но только события последних дней окончательно определили его назначение. Послышались голоса, указывающие на то, что именно посещение Рима императором должно быть увековечено посвящением этого фонтана.

Почему именно посещение Рима произвело на этих людей такое впечатление? Дело, быть может, в том, что Италия, даже независимо от политики, удивительно импонирует немецким умам. Я давно уже постоянно замечал в германцах это благоговение пред родиной Данте; это, быть может, остаток их наивного восхищения ею в древности. Это благоговение бескорыстно, поскольку оно не требует соответственной симпатии со стороны итальянцев, и даже не смущается их ненавистью.

Послушайте, как говорит об Италии, как вспоминает о своих впечатлениях в ней любой здешней буржуа. Это тайное преклонение перед высшей культурой, хотя немцы усиленно провозглашают себя первыми ее представителями. Недаром в заурядном немецком характере есть стойкая и воинственная оболочка и часто робко-наивная сущность, та самая сущность, которая в эпоху сентиментализма была вся наружу, теперь же, в эпоху крупновских орудий и бисмарковых речей так глубоко скрыта в Михеле, что, можно подумать, она совсем исчезла.

Берлин обогащается художественными памятниками, и не далее как завтра на Monbijon-Platz должен быть открыт мраморный бюст Шамиссо^{8*}

Берлинские зодчие ломают себе голову над планами собора и монумента Вильгельму I, и новый конкурс должен увеличить новые рисунками большую коллекцию неосуществленных проектов берлинского собора, в которой видное место занимают проекты самого Фридриха III, изданные Ратдорфом.

Эти проекты очень смелы. По замыслу монарха, собор должен быть соединен с усыпальницей Гогенцоллернов и с памятником Вильгельму I, и приведен в сообщение с замком посредством галереи на сквозных аркадах, которая неудобна тем, что заслоняет перспективу новоотстроенной роскошной Kaiser-Wilhelm-Strasse со

средневековую башней «Marienkirche» в конце ее. Самый замок должен, по мысли покойного императора, быть расширен пристройкой корпуса для «банкетной» и «концертной» зал и — последнее совершенно неожиданно — снабжен башней, превышающей по высоте колоннаду Кельнского собора.

Проект этот едва ли осуществится, да и нельзя желать его осуществления. В особенности башня представляется несогласною с архитектурными формами и куполом замка и притом неуместною по своей высоте, которой она подавляла бы окружающие здания.

Берлин растет и украшается. Недавняя эпоха красных кирпичных домов миновала и смешалась эрой белых. Почти все лучшие здания ныне облицовываются белым камнем и покрываются высеченными украшениями. Но успехи увеличения города еще замечательнее: он растет не по дням, а по часам. Если прежде его обозначали на подробных картах кружочком, теперь он имеет вид неправильной фигуры, удлинненной и заостренной слева.

Особенно быстро растет его северо-западная часть. Целая громадная часть города, Моабит, населенная десятками тысяч жителей, возникла в последний десяток лет. Окраины города на большое пространство распланированы и разрезаны великолепно вымощенными широкими улицами, по обе стороны которых намечены еще покрытые травой участки будущих высоких и тонких монотонных домов.

Городской магистрат приходит в затруднение, как назвать все многочисленные новозозидаемые улицы; употребительные для этого имена городов и замечательных людей грозят истощиться, а чтоб остаться, по примеру Мангейма, со временными кличками: «улица А» или «улица З», — для этого, к чести своей, магистрат имеет слишком много вкуса.^{9*}

Рост Берлина обнаруживается и в «отельной горячке», которая теперь со всей силою охватила город. Русские путешественники, давно не посещавшие Берлина, найдут, что их прежде излюбленные гостиницы, как «Hôtel de St. Petersburg», «Hôtel Royal» и др., далеко отстали от вновь строящихся отелей. Гостиницы группируются в одном большом центре, и те, которые расположены вдали от последнего, с трудом выдерживают конкуренцию.

Выходя с центрального вокзала Friedrichstrasse, вы вступаете в город гостиниц. С одной стороны тянутся длинные здания «Central Hôtel-я»; с другой колоссальные намалеванные руки указывают на кроющийся за углом еще более элегантный «Hôtel Continental»; с третьей стороны в длину улицы тянется ряд новых палаццио для приезжих, начинающийся с отеля «Monopol». Здесь образовался целый квартал гостиниц, который все еще увеличивает свой район.

Какие громадные суммы пускаются в оборот при этой отельной горячке, которая ставит для хозяина отеля необходимым условием, по возможности, превзойти обстановкой своего дома своих соперников, можно представить себе уже по сравнению со всё возвышающейся ценой земляных участков. В настоящее время продается в квартале отелей под постройку дома один пустой участок, которому, вероятно, недолго придется ожидать своего покупателя, за 2. 400 000 марок. Покамест хозяева гостиниц ведут свои дела выгодно, но должно ожидать, что если сооружение новых отелей будет продолжаться все с тою же стремительностью, то последует и неизбежный кризис.

Впрочем, содержатели отелей рассуждают, что если теперь нет недостатка в гостях, то еще менее будет замечен этот недостаток в будущем году, когда много публики съедется на выставку «страхования от несчастных случаев».

Во всяком случае, можно быть уверенным, что эта выставка привлечет больше любопытных, чем только что открытая выставка португальских вин. Эта последняя, торжественно открытая с восторженными криками в честь Германского и Португальского правительств и поднятием германско-португальских знамен, мало популярна, как все, назначенное преимущественно для знатоков, и собирает только избранный кружок вдумчивых исследователей-ценителей.

Если эта выставка ознаменовала собою в этом сезоне успехи промышленности, то успехи науки были представлены съездом Американистов. Он был также рассчитан на знатоков и в несколько дней своей скоротечной жизни не привлек на себя внимания публики, которая заметила только, что Вирхов,^{10*} на все отзывающийся, как эхо, многосторонний и неустанный, принял также деятельное участие в работах конгресса.

Деревья почти облетели, но прекрасная, теплая погода последних дней как бы воскресила лето. Значительная часть публики, по здешнему обыкновению, поспешила констатировать этот факт, сняв и осенние и летние пальто.

Аллеи Тиргартена снова наполнились гуляющими пешком и в экипажах, и снова, по одиночке, по двое, по трое, или вчетвером зараз на одном аппарате показались велосипедисты, враги и конкуренты извозчиков (прозванные берлинскими насмешниками *Strampeldroschken*^{11*}) и вместе — предвозвестники грядущего времени.

Нельзя сомневаться, что они считают себя первыми представителями новой эры передвижений. В них есть героическое мужество, свойственное борцам за идею. Таковы, по крайней мере, истинные велосипедисты. Они катаются со средоточенным <так!> лицом и демонстративным видом. Вы можете часто прочесть на их лицах, что им и неприятно, и неловко, но они тверды, преследуя высшую цель.

Я нередко вижу, с удивлением, лиц почтенного возраста и заметного общественного положения, от которых нелегко ожидал бы такой экстравагантности, как бы какой-то силою увлекаемых в даль на высоте высоких, быстро движущихся колес. Недавно встретил я в таком виде одного из директоров здешних театров и автора известных пьес, человека пожилого и тучного; прозелит был облечен в узкие гамашы и наездническую куртку и видимо страдал.

Таковы носители идеи, но не такова толпа. Легкомысленные приказчики, свободные от дел, спешат взять из магазина велосипед на один, на два часа и безмятежно забавляются им. Но руководители идеи пользуются скоропереходящей модой, чтобы достигнуть прочных успехов. Организационный талант, столь присущий немцам, разумеется, не замедлил проявиться в основании ферейна, который распространит завоевания велосипеда. Но и те завоевания, которые уже сделаны им, очень значительны.

Велосипед утилизируется на все лады. Дамы употребляют велосипед и пассивно, и активно; они ездят на нем и в сопровождении управляющего колесами мужчины, и отдельно. А если какое-нибудь учение имеет не только прозелитов, но и прозелиток, — успех его уже можно считать упроченным в высокой степени.

*Московские ведомости. 1888. 24 окт. (№ 295). С. 3.
Подп.: С-евъ.*

Примечания

* Вступив на престол, император Вильгельм II в первые месяцы царствования посетил с визитами Россию, Австро-Венгрию и Италию.

** Имеется в виду речь Бисмарка на заседании Рейхстага 6 февраля 1888 г. (см. о ней вступительную статью). «Никогда, может быть, еще парламентская речь не подвергалась такой напряженной выработке и отделке, не проходила через горнило двухсторонних дипломатических переговоров. Германский канцлер, очевидно, считает ее одним из важнейших актов своей жизни. В продолжение трех суток, ей предшествовавших, он почти не сообщался с внешним миром, иначе как через своего

сына и наследника. Говорят, Др Швеннингер придумал совершенно особый режим, направленный к тому, чтобы довести физические и нравственные силы князя Бисмарка до высшего возбуждения. Это хорошо могли понять видевшие Бисмарка, когда он говорил речь. Он попеременно вставал и садился, и почти все время жадно отпивал маленькими глотками специально предписанный его доктором напиток. Граф Герберт Бисмарк стоял все время подле отца, вливал в его стакан содержимое двух или трех бутылок, по указаниям, которые не переставал ему давать сам князь Бисмарк, даже в наиболее патетические моменты своей речи. Сын казался столь же взволнованным, как и отец, а зоркие наблюдатели заметили соответствующее этому волнение и на лице присутствовавшего в королевской ложе принца Вильгельма. Я описываю внешний “вид” этой речи, потому что вследствие замечательно плохой акустики залы, служащей местом заседаний Рейхстага, и глухого, беззвучного голоса канцлера, многие из присутствовавших скорее видели речь, нежели слышали ее. <...> Гигантское усилие князя Бисмарка, по мнению германских политиков, подавило в зародыше воинственные планы “шовинистов” и “панславистов” и обеспечило прочность германской гегемонии в Европе» (С-ева. Берлин, 28 января (9 февраля). *От нашего корреспондента*. Что говорят о речи князя Бисмарка // Московские ведомости. 1988. 2 февраля (№ 33). С. 3).

*** Имперский портфель, гербовая папка для докладов (нем.).

**** *Furor teutonicus* (тевтонская ярость, лат.) — латинское крылатое выражение, означающее крайнюю степень возмущения и гнева.

***** «Мы, немцы, боимся Бога, а больше ничего в мире!» (нем.).

6* «И думал я в конце трудов тяжелых: / Вот высший русский орден в бриллиантах / Я заслужил, однако нет его; / Короче, за Россией нынче долг» (нем.).

7* *Bégas* Рейнгольд (Begas; 1831–1911) — скульптор и художник, член Берлинской академии художеств, главный представитель берлинской скульптурной школы т. н. «необарокко». К его наиболее известным работам относятся Национальный памятник Вильгельму I (1897) и фонтан «Нептун», о котором идет речь у С-ева. Над «Нептуном» Бегас начал работать в 1886 г. Фонтан был установлен в 1891 г. у берлинского Городского дворца (ныне находится перед Красной ратушей).

^{8*} *Шамиссо* Адельбэрт фон (von Chamisso, 1781–1838, французское имя — Луи-Шарль-Аделаид де Шамиссо де Бонкур) — писатель-романтик, путешественник и естествоиспытатель; лотарингский дворянин, эмигрировавший в Пруссию из Шампани во время Великой французской революции. Писал на немецком языке стихи и прозу, а также ряд научных работ; в 1835 г. был избран членом Берлинской академии наук.

^{9*} Мангейм, прозванный «город квадратов» («Quadratstadt»), расположен на месте впадения р. Некар в Рейн (земля Баден-Вюртемберг). Прозвище возникло из-за деления подковообразного исторического центра на квадратные кварталы улицами, перпендикулярными или параллельными стенам мангеймского замка и пересекающимися под прямыми углами. Названия «квадратов» состоят из буквы и числа (напр., А1, М7 и т. д.), указывающих расположение квартала относительно замка и главной улицы города.

^{10*} *Вирхов* Рудольф Людвиг Карл (Virchow; 1821–1902) — прусский ученый и политический деятель, основоположник клеточной теории в биологии и медицине. Врач по образованию и выдающийся патологоанатом, гистолог и физиолог, Вирхов активно занимался, помимо того, антропологией, палеонтологией и археологией, был участником знаменитых раскопок Г. Шлимана на Ближнем Востоке, в Египте и Пелопоннесе. С 1859 г. Вирхов участвовал в муниципальном управлении Берлина как специалист в области общественной медицины и много сделал для повышения общественной гигиены в Пруссии, улучшения канализационных и водоочистительных систем. Помимо того, с 1850-х гг. Вирхов был членом прусского сейма и одним из основателей прогрессистской партии, а в 1880-е гг. являлся одним из самых влиятельных противников Бисмарка в Рейхстаге.

^{11*} Буквально — «дрыговозка» (*нем.*).

С-евъ

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Из Берлина. 11 ноября (30 октября) // Московские ведомости. 1887. 5 нояб. (№ 305). С. 4–5.*
Болезнь кронпринца Фердинанда-Вильгельма. Боязнь врачей поставить диагноз рака. Перевооружение Германии: крупно- и мелкокалиберные ружья. Германия и Франция. Невозможность для Германии войны на два фронта против России и Франции.
2. Из Берлина. 26 (14) ноября // Московские ведомости. 1887. 20 нояб. (№ 326). С. 4.
Преувеличение в германских «официозах» роли Бисмарка во время визита Александра III. Брошюра «Князь Бисмарк и Россия». Причины отчуждения Германии и России.
3. Из Берлина. 5 декабря. Мнение немцев о русской печати — Продолжение экономической борьбы против России — Осуждающие борьбу брошюры Рейхеншпергера и Глагау — Пострадавшие от этой борьбы немецкие капиталисты — Бесплезность «лиги мира» — Новый тон немецкой печати о «разоблачениях» и о принце Кобургском — Приезд принца Фердинанда в Берлин в 1886 году — Орган канцлера, обвиняющий г. Гирса // Московские ведомости. 1887. 28 нояб. (№ 328). С. 4.

4. Из Берлина. 13 (25) декабря. Мирное общество и воинственное правительство — Берлинская публикация немецкого и австрийского «общественного мнения» — Запутавшийся вопрос о «подложных документах» — Новый поход против России — Одна из его тайных причин — Болезнь германского канцлера // Московские ведомости. 1887. 18 дек. (№ 348). С. 5.
5. Из Берлина. 31 (19) декабря. Мнение немцев о статьях «Русского инвалида» — Самообман — Переписка между рептилиями — «Городская миссия» и принц Вильгельм // Московские ведомости. 1887. 24 дек. (№ 354). С. 5.
6. Берлин, 5 января (24 декабря). От нашего корреспондента. Газетная полемика по поводу болезни кронпринца // Московские ведомости. 1888. 1 янв. (№ 1). С. 7.
7. Берлин, 14 января. От нашего корреспондента. Утка «Кельнской газеты» о казаке Ашинове — «Новое» дипломатическое действие — Новая версия истории «подложных» документов — Русские новогодние награды — Раскаяние «Крестовой газеты» — Русский бюджет // Московские ведомости. 1888. 8 янв. (№ 8). С. 4.
8. Берлин, 10 (22) января. От нашего корреспондента. Новое обострение кризиса — Недоверие к Австрии — Тревога, вызванная статьей «Московских ведомостей» — Император Вильгельм // Московские ведомости. 1888. 15 янв. (№ 15). С. 4.
9. Берлин, 31 (19) января. От нашего корреспондента. Берлинский синдикат для захвата богатств русского Урала — Недовольство Россией — Экономические затруднения Германии — Проект исключительно высоких пошлин на русские товары — Хорошая мысль // Московские ведомости. 1888. 24 янв. (№ 24). С. 4–5.
10. Берлин, 8 февраля. От нашего корреспондента. Анархисты, руководимые и субсидируемые германскими агентами — Внешний и внутренний конфликт, вызванный законопроектом о социалистах // Московские ведомости. 1888. 27 янв. (№ 27). С. 5.
11. Берлин, 28 января (9 февраля). От нашего корреспондента. Что говорят о речи князя Бисмарка // Московские ведомости. 1888. 2 февр. (№ 33). С. 3–4.

12. Берлин, 20 (11) февраля.** От нашего корреспондента. Изучение немцами внутренней жизни России // Московские ведомости. 1888. 17 февр. (№ 48). С. 5.
13. Берлин, 28 февраля (11 марта). От нашего корреспондента. Вильгельм I и Фридрих III // Московские ведомости. 1888. 6 марта (№ 66). С. 3.
14. Берлин, 2 (14) марта. От нашего корреспондента. Программа нового императора // Московские ведомости. 1888. 9 марта (№ 68). С. 4.
15. Берлин, 9 (21) марта. От нашего корреспондента. Похороны императора Вильгельма // Московские ведомости. 1888. 15 марта (№ 74). С. 4.
16. Берлин, 14 (26) марта. От нашего корреспондента. Депутация Калужского полка, не принятая кронпринцем Вильгельмом — Московские немцы в Берлине — Иностранные подданные в германской армии — Как консерваторы относятся к болезни императора / Московские ведомости. 1888. 24 марта (№ 83). С. 5.
17. Берлин, 18 (30) марта. От нашего корреспондента. Приезд императора в Берлин — Больная династия — Император и кронпринц — Усиливающееся влияние князя Бисмарка — Военные реформы — Иностранная политика императора // Московские ведомости. 1888. 2 марта (№ 85). С. 3.
18. Берлин, 24 марта (5 апреля). От нашего корреспондента. Тост кронпринца — Канцлерский кризис // Московские ведомости. 1888. 3 марта (№ 90). С. 5.
19. Берлин, 16 (4) апреля. От нашего корреспондента. Канцлер и император // Московские ведомости. 1888. 9 апр. (№ 99). С. 4.
20. Берлин, 3 мая. От нашего корреспондента. Мнимо-«русские» газеты — Возобновление немецкой травли против России // Московские ведомости. 1888. 28 апр. (№ 116). С. 4.
21. Берлин, 7 мая. От нашего корреспондента. Император, канцлер и Россия // Московские ведомости. 1888. 1 мая (№ 119). С. 4.
22. Берлин, 10 мая. От нашего корреспондента. Усиление войск на русской границе // Московские ведомости. 1888. 3 мая (№ 121). С. 4.

23. Берлин, 17 мая. От нашего корреспондента. Травля против России и пангерманизм // Московские ведомости. 1888. 10 мая (№ 128). С. 3.
24. Берлин, 11 (23) мая. От нашего корреспондента. Травля на оба фронта — Свадьба принца Генриха // Московские ведомости. 1888. 16 мая (№ 134). С. 3.
25. Берлин, 14 (26) мая. От нашего корреспондента. Толки о боевых пошлинах против России — Россия, обязанная Германии благодарностью — Победа канцлера над ультраконсервативами — Принц Вельский // Московские ведомости. 1888. 19 мая (№ 137). С. 3.
26. Берлин, 21 мая (2 июня). От нашего корреспондента. Антидинастическая агитация // Московские ведомости. 1888. 27 мая (№ 145). С. 3.
27. Берлин, 22 мая (3 июня). От нашего корреспондента. Инцидент Путткамера — Император и армия // Московские ведомости. 1888. 28 мая (№ 146). С. 3.
28. Берлин, 25 мая (6 июня). От нашего корреспондента. Компромисс между князем Бисмарком и императором — Нечто о кронпринце — Как отзывается на германских интересах экономическая война против России // Московские ведомости. 1888. 30 мая (№ 148). С. 2–3.
29. Берлин, 28 мая (9 июня). От нашего корреспондента. Исход министерского кризиса — Неудавшийся Spiritusring // Московские ведомости. 1888. 2 июня (№ 151). С. 3–4.
30. Берлин, 2 (14) июня. От нашего корреспондента. Отставка Путткамера*** // Московские ведомости. 1888. 8 июня (№ 157). С. 4.
31. Берлин, 17 (5) июня. От нашего корреспондента. Первые дни по кончине Фридриха III // Московские ведомости. 1888. 9 июня (№ 158). С. 4.
32. Берлин, 6 (18) июня. От нашего корреспондента. Похороны императора Фридриха // Московские ведомости. 1888. 10 июня (№ 159). С. 2–3.

33. Берлин, 8 (20) июня. От нашего корреспондента. Придворные партии // Московские ведомости. 12 июня (№ 161). С. 3.
34. Берлин, 9 (21) июня. От нашего корреспондента. Инцидент Вальдерзее-Штёккер — Др. Мекензи // Московские ведомости. 1888. 13 июня (№ 162). С. 3.
35. Берлин, 26 (14) июня. От нашего корреспондента. Открытие Рейхстага — Толки о тронной речи — Орган канцлера против «Пештского Ллойда» и доктора Мекензи // Московские ведомости. 1888. 18 июня (№ 167). С. 3–4.
36. Берлин, 18 (30) июня. От нашего корреспондента. Вторая тронная речь германского императора // Московские ведомости. 1888. 22 июня (№ 171). С. 6.
37. Берлин, 18 (30) июня. От нашего корреспондента. Ожидаемое свидание Монархов — Перемены по флоту — Миссия Винтерфельда — Др. Мэкензи**** // Московские ведомости. 1888. 23 июня (№ 172). С. 4.
38. Берлин, 14 (2) июля. От нашего корреспондента. Сербский кризис // Московские ведомости. 1888. 9 июля (№ 188). С. 2.
39. Берлин, 7 (19) июля. От нашего корреспондента. Неурожай в Пруссии — Подъем русских курсов — Толки об императоре Вильгельме II — Расчеты на сближение с Данией // Московские ведомости. 1888. 12 июля (№ 191). С. 4.
40. Берлин, 12 (24) июля. От нашего корреспондента. Новая официальная травля России // Московские ведомости. 1888. 17 июля (№ 196). С. 4–5.
41. Берлин, 19 (31) июля. От нашего корреспондента. Юбилей крещения Руси — Протестантский памфлет о православии — Пожертвования в посольскую церковь — Случай с русской банной // Московские ведомости. 1888. 27 июля (№ 206). С. 5.
42. Берлин, 27 июля (3 августа). От нашего корреспондента. Германская колонизация и ее антагонизм с английскою // Московские ведомости. 1888. 4 авг. (№ 214). С. 5.
43. Берлин, 22 (10) августа. От нашего корреспондента. Враждебность германских официозов к России — Экономический

- вопрос — Графы Мольтке и Вальдерзее — Официозы о самих себе — Накануне предстоящих выборов — Воспоминания Дельбрюка — Колонизация — Когда платить деньги рабочим? // Московские ведомости. 1888. 15 авг. (№ 225). С. 4.
44. Берлин, 3 сентября (22 августа). От нашего корреспондента. Седанские празднества — Театры — Ферейны — Клаузиус — Юбилей Иеринга — Гарнак // Московские ведомости. 1888. 28 авг. (№ 283). С. 5.
45. Берлин, 29 августа (10 сентября). От нашего корреспондента. Фауст и Елена — Где Буланже? — Равновесие на Средиземном море — Новые расходы на флот — Фридрих III // Московские ведомости. 1888. 4 сент. (№ 245). С. 4–5.
46. Берлин, 5 (17) сентября. От нашего корреспондента. Имперская централизация — Брауншвейг и Липпе-Детмольд — Реформа гражданского уложения — Молодежь — Студенты — Буланже // Московские ведомости. 1888. 11 сент. (№ 252). С. 4.
47. Берлин, 12 (24) сентября. От нашего корреспондента. Дневник императора Фридриха // Московские ведомости. 1888. 18 сент. (№ 259). С. 4.
48. Берлин, 3 октября (21 сентября). От нашего корреспондента. Дневник императора Фридриха и князь Бисмарк // Московские ведомости. 1888. 26 сент. (№ 267). С. 3.
49. Берлин, 16 (4) октября. От нашего корреспондента. Немецкая колонизация внутри и вне Германии // Московские ведомости. 1888. 12 окт. (№ 283). С. 6.
50. Берлин, 23 (11) октября. От нашего корреспондента. Итальянские воры — Толки о личности императора — Православные храмы в Берлине и Потсдаме // Московские ведомости. 1888. 17 окт. (№ 288). С. 4.
51. Берлин, 25 (13) октября. От нашего корреспондента. Выходки против России при помощи русской печати // Московские ведомости. 1888. 21 окт. (№ 292). С. 5.
52. Берлин, 26 (16) октября. Берлинские письма. Самодовольство Михеля — Речь Бисмарка в ямбах — Бюджет в гексаметрах —

- Бассейн в память посещения Рима — Увлечение Италией — Архитектурные затеи Фридриха III — Берлин растет и украшается — «Отельная горячка» — Выставки и съезды — Велосипедомания // Московские ведомости. 1888. 24 окт. (№ 295). С. 3.
53. Берлин, 6 ноября (25 октября). От нашего корреспондента. Император Вильгельм и оппозиционная печать — Популярность императора и императрицы — Студенческая овация Гергарду и Бергману // Московские ведомости. 1888. 1 нояб. (№ 303). С. 5.
54. Берлин, 1 (13) ноября. От нашего корреспондента. Отношения к Ватикану — Африканская кампания — Мемуары герцога Кобургского — Программа Наполеона III — Датский канал // Московские ведомости. 1888. 6 нояб. (№ 308). С. 4–5.
55. Берлин, 3 (15) ноября. От нашего корреспондента. Государь Наследник в Берлине // Московские ведомости. 1888. 8 нояб. (№ 310). С. 3.
56. Берлин, 26 (14) ноября. Берлинские письма. Упадок немецкой литературы — Новые направления литературы и его образчики — «Научность» в изящной литературе — Стихотворные альманахи — Любовь к музыке у Берлинцев — Todtenfest // Московские ведомости. 1888. 20 нояб. (№ 322). С. 3–4.
57. Берлин, 28 (16) ноября. От нашего корреспондента. Международные отношения — Оппозиционные речи — Придворный этикет // Московские ведомости. 1888. 24 нояб. (№ 326). С. 5.
58. Берлин, 5 декабря (23 ноября). От нашего корреспондента. Страхование рабочих — Граф Вальдерзее и князь Бисмарк — Дело Геффкена // Московские ведомости. 1888. 30 нояб. (№ 332). С. 4.
59. Берлин, 10 декабря (28 ноября). От нашего корреспондента. А. И. Георгиевский — Графы Шуваловы — Принц Ольденбургский — Граф Бенюар и граф Раскон — Французские офицеры // Московские ведомости. 1888. 3 дек. (№ 335). С. 5.
60. Берлин, 6 (18) декабря. От нашего корреспондента. Немецкая печать о персидских делах — Милан Христич — Прусские «лейтенанты» // Московские ведомости. 1888. 12 дек. (№ 344). С. 4–5.

61. Берлин, 12 (24) декабря. От нашего корреспондента. Инцидент Мориер — Национал-либералы — Заигрывания с Францией и Италией — Русский флот // Московские ведомости. 1888. 18 дек. (№ 350). С. 4.
62. Берлин, 31 (19) декабря. Берлинские письма // Московские ведомости. 1888. 29 дек. (№ 360). С. 3–4.
63. Берлин, 7 января (26 декабря). От нашего корреспондента. Официозный agent-provocateur — Освобождение Геффкена — Тридцать первый кавалер Черного Орла — Белградский корреспондент «Северо-Германской газеты» // Московские ведомости. 1889. 1 янв. (№ 1). С. 6.
64. Берлин, 11 января (30 декабря). От нашего корреспондента. Дела Мориера и Геффкена — Ропот на дороговизну германской дипломатии — Неудачи колониальной политики — Вопрос о Голландском наследстве // Московские ведомости. 1889. 6 янв. (№ 6). С. 4.
65. Берлин, 21 (9) января. Впечатление, произведенное русским бюджетом — Князь Бисмарк в делах Геффкена и Мориера // Московские ведомости. 15 янв. 1889. (№ 15). С. 5.
66. Берлин, 23 января (4 февраля). От нашего корреспондента. Толки о кончине кронпринца Рудольфа // Московские ведомости. 1889. 27 янв. (№ 27). С. 4.
67. Берлин, 2 февраля (21 января). От нашего корреспондента. День рождения императора — Дело «Крестовой газеты» — Слухи об Англо-Германском союзе — Впечатление парижских выборов // Московские ведомости. 1889. 28 янв. (№ 28). С. 6.
68. Берлин, 8 февраля (27 января). От нашего корреспондента. Прием марокканского посольства // Московские ведомости. 1889. 4 февр. (№ 35). С. 4–5.
69. Берлин, 8 февраля (27 января). От нашего корреспондента. Благотворительный базар во дворце князя Бисмарка // Московские ведомости. 1889. 5 февр. (№ 36). С. 5.*****
70. Берлин, 13 (1) февраля. От нашего корреспондента. Заморская политика князя Бисмарка // Московские ведомости. 1889. 8 февр. (№ 39). С. 4–5.

71. Берлин, 14 (2) февраля. От нашего корреспондента. Баттенберг и Кобург // Московские ведомости. 1889. 9 февр. (№ 40). С. 3–4.

Примечания

* После этой публикации и перед следующей была анонимная публикация, посвященная «выходкам» германских «официозов» против России в канун визита Александра III: Из Берлина. 19 (7) ноября // Московские ведомости. 1887. 13 ноября (№ 313). С. 3–4. *Б. п.*

** Так в источнике.

*** Разные варианты написания фамилии *Puttkamer* в источниках № 27 и № 30.

**** Разные варианты написания фамилии *Mackenzie* в источниках № 34, 35, 37.

***** После этой публикации и перед следующей была публикация: *Бен*. Берлин. 13 (1) февраля. От нашего корреспондента. Князь Бисмарк и национал-либералы // Московские ведомости. 1889. 6 февр. (№ 37). С. 4.